

ЮРИИ НИКИТИН

Я ЖИВУ В ЭТОМ ТЕЛЕ

Юрий Александрович Никитин
Я живу в этом теле
Серия «Странные романы»

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127034
Никитин Ю. Я живу в этом теле: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-18527-5*

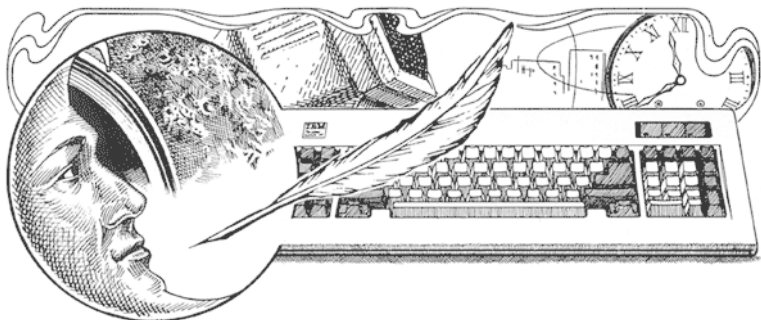
Аннотация

Это – ужасник. Конечно же, – самый ужасный ужасник всех времен и народов. Естественно, без вампиров, оживших мертвяков, маньяков и прочего картонного бреда. Вы заглянете в самое ужасное – в себя.

Содержание

	5
Часть I	7
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	29
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	55
ГЛАВА 6	65
ГЛАВА 7	76
ГЛАВА 8	89
ГЛАВА 9	104
ГЛАВА 10	119
Часть II	136
ГЛАВА 1	136
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Юрий НИКИТИН Я ЖИВУ В ЭТОМ ТЕЛЕ!

Увы, предисловие необходимо!

А прочесть прошу до того, как решить: покупать или нет. Чтоб потом не было... э-э... укоров, что Никитин исписался, чокнулся, танатофобнулся, наивно отождествляя главного героя и автора. И что деньги потрачены зря.

Это не боевик! Поэтому не следует покупать тому, кто ищет стрельбу в стиле «Ярости» или «Троих из Леса».

Это не гы-гы, как «Зубы настежь».

Это не драки на мечях, как «Князь Владимир».

Это – ужасник. Конечно же, самый ужасный ужасник всех времен и народов. А как иначе, брэнд «Никитин» обязывает... К тому же без вампиров, оживших мертвяков, маньяков и прочего картонного бреда. Рассчитан на узенькую прослойку рефлексирующих интеллектуалов, которые от рерихнутости переходят к полету в трубе, от жизни после смерти к пробежке трусцой, от простого: «Пей, Ваня, все одно помрем!» – к трусливенькой надежде: «А вдруг...»

Но – серьезное предупреждение: роман противопоказан людям с тонкой, ранимой психикой!!! А только таким же толстокожим, как сам автор.

Отзывы, замечания и предложения принимаются в Корчме на сайте <http://nikitin.wm.ru>.

Приятного чтения!

ЮРИЙ НИКИТИН

Часть I

ГЛАВА 1

В темной бездне, как слепые рыбы мрака, ворочались багровые тени: объемные, странные, пугающие. Меня вычленило из странного мира тягостно и неохотно. Я с испугом начал чувствовать тяжесть тела, плотный, как вода, воздух, свои огромные размеры.

Воздух в мире, куда я воплотился из того, предыдущего, теплый, настоящий на запахах свежего кофе и жареных яиц с ветчиной. Я ощутил себя непостижимо длинным, как горная цепь, и тяжелым, как земная кора. Во мне бродили скрытые в глубинах реки, что-то поднималось астрономически неспешно, я расширялся, как Вселенная, расширялся и расширялся, а затем так же неспешно начинал схлопываться, и это схлопывание происходило с неспешностью геологических процессов,

Где-то шлепали босые ноги. Женский голос напевал нехитрую песенку. Чувствуя себя несколько странно, я сделал знакомое усилие, ощутил, как вверх пошли плотные кожистые шторы, собираясь, как жалюзи, в гармошку. Впереди и со всех сторон свет. Что-то горит, как железо в горне, прямоугольное, брызжащее искрами. Оттуда выстрелили

и колынули в глаза лучи звезды, некрупной, но достаточно близкой. По коже упругой волной прошло ее горячее прикосновение, а тем временем я начал ощущать помимо своего материального тела еще и нечто мягкое внизу, шероховатое, прогибающееся.

Осторожно посмотрел вниз. Под веками сдвинулись глазные яблоки, связанные канатами нервов с укрытым за толстыми костями черепа мозгом. Взор упал на крупное тело млекопитающего, все еще дикого: шерсть, когти, мышцы, жилы, — но уже не добывающего пищу когтями и зубами, ибо когти в процессе быстрой эволюции стали плоскими и превратились в ногти, шерсти недостаточно, чтобы укрывать тело от холода, здесь явно умеют пользоваться шкурами и другими одеждами...

У меня длинные мужские руки, грудь с редкими волосами. Дальше укрыто одеялом, но я с пугающей ясностью догадывался, что там дальше. И когда на том конце лежа одеяло задвигалось, я уже знал, что это я сам пошевелил пальцами на ноге. И что этих пальцев там пять, от самого маленького до просто огромного, с толстым, как спинка жука, ногтем.

Да, я в теле из мяса и костей. Существо из органики. Все обтянуто кожей, кости соединены суставами, сухожилиями, все переплетено синими веревочками вен, незримыми для глаза ниточками нервов. Это моя грудь медленно приподнимается, всасывая воздух, как кит в океане набирает планктон, а затем так же неспешно идет вниз, выдавливая отра-

ботанный, выловив необходимые частички, как тот же кит вылавливает крохотных рачков, а воду сбрасывает обратно в океан. Слышно, как сердечная мышца неумоимо и ровно сокращается и снова разбухает, тоже крохотная вселенная, гоняет по всему телу кровь, без чего этот организм не выживет, как и без воздуха. Я даже ощутил, как в животе повернулась какая-то жилка. Или кишка легла поудобнее. И там целый мир, без его слаженной работы мне тоже не выжить...

Пока я с удивлением рассматривал руку, из соседней комнаты донесся нетерпеливый голос:

– Вставай, лентяюга!.. Кофе готов, а бутерброды делай сам.

Я ощутил дрожь во всем огромном и сложном организме. Итак, каким-то странным образом я оказался в этом теле. Теле человека. А тот голос из кухни принадлежит другому человеку. Но не простому, а моей «половине», так как в этом регионе Вселенной жизнь разделена на два пола. Исключения совсем редки. Я – самец, а моя половина – самка, здесь она зовется женщиной. Это моя самка, то есть моя жена. Правда, теперь уже бывшая, живет отдельно, ведет свободный образ жизни, но время от времени заглядывает и ко мне.

Из кухни вышла уже одетая для дороги молодая женщина. Ее глаза смеялись. Оранжевый свет со стороны окна подсвечивает ей сзади волосы, в них прыгают рыжие колючие искорки.

– Что с тобой? – спросила она с веселым удивлением. – Раньше ты выбегал на запах кофе, как кот на валерьянку!

«А еще на запах бутерброда с ветчиной», – мелькнуло у меня в голове. В ответ утробно заворчало в желудке. Похоже, этот организм живет отдельно, у него свои требования и привычки.

А женщина засмеялась беззаботно и весело:

– Видишь, твой желудок с тобой не согласен!

– Да, – ответил я вынужденно, потому что надо было что-то ответить, – да.

– Что «да»? – потребовала она.

– У него свое мнение, – ответил я.

Она оборвала смех, ее глаза стали серьезными:

– С тобой все в порядке?

– Ну, надеюсь...

– Что-то не нравится мне твой голос, – сказала она повелительно. – А ну-ка, покажи язык.

Я послушно высунул язык, вспомнил, что эта женщина любит лечить. У нее в двух шкафчиках большие коробки с лекарствами, три термометра, целая полка книг по самолечению, а на кухне полшкафа забито коробочками с травами, корешками, витаминами, гербалайфами и всякой дурно пахнущей дрянью.

Она наклонилась, я увидел приближающиеся белые молочные железы, что под действием гравитации устремились острыми сосками вниз, четко обозначив свои формы и раз-

меры.

– Мне он не нравится, – заявила она категорично. – Правда, у тебя другого почему-то нет... Странно, конечно. Он должен быть розовым весь! А у тебя только по краям. Пожалуй, я все-таки добавлю в кофе...

– Что? – вырвалось у меня.

Она красиво вскинула изогнутые, как луки, брови.

– Молока, что же еще?.. Хорошо бы, конечно, сливок, но в нашем гастрономе только просроченные. Минздрав не рекомендует!

Я поспешно развел руками: крупными, с пятью пальцами, на каждом по рудиментарному когтю, что защищают нежную плоть на конце сустава, то бишь фаланги.

– Как скажешь!

Только сейчас она заметила или сделала вид, что заметила, в какую сторону поворачиваются мои глазные яблоки, засмеялась, показав на щеках милые ямочки:

– Куда уставился?.. Ты и так меня пользовал до полуночи. Хватит, хватит!.. Быстро умойся, а то кофе стынет.

В маленькой прихожей две двери, одна в туалет, другая – в ванную. Я осторожно отворил ближайшую. Под голыми подошвами прохладный и гладкий, словно стекло, кафель, слева массивная посуда для воды. В ней эти существа купаются, а напротив на стене.... Из овальной рамы на меня пристально смотрит молодой, или моложавый, мужчина. Вскинутые брови, глаза неглупые, но смотрят испуганно. Рот при-

открылся, показывая не совсем чистые зубы. Самец, сравнительно здоров, нормален. Повезло, меня могли бы засунуть в тело калеки, уроды, собаки или таракана. Нет, вряд ли в тело таракана. То, что от меня требуется, я вряд ли смогу, будучи тараканом.

С дрожью я всматривался в это лицо, тело. В нем я живу. В этом теле меня воспринимают. Каков я на самом деле, отшибло начисто... Почему?

Машинально открыл кран, помочился, как делает большинство мужчин, в раковину для мытья рук. Ладони подхватывали теплую струю из крана, вода плескала на белоснежные стенки, смывая желтые капли. Так же автоматически завернул кран, все еще не отрывая глаз от существа, что проделывает все то же самое, разве что правая сторона стала левой.

Выходит, мне оставлены воспоминания этого тела! Зубы почистил так, будто это я сам чищу их каждое утро, вот эта штука – зубная щетка, пальцы привычно прошлись по колючему, как кактус, подбородку... Ладно, вчера оно брилось на ночь, а сегодня суббота, на службу не идти, можно дать отдохнуть вылезающей шерсти...

Мои кристально ясные мысли причудливо переплетались со смутными образами и желаниями этого самца. На каждой мысли, не говоря о желаниях, ясно виден отпечаток животности, хтонности, глубинных рефлексов.

Стараясь их угадывать правильно, я вытерся особым кус-

ком ткани, полотенцем, махровым, уютным, с осторожностью пошел по направлению к кухне. Сердечная мышца теперь сокращается учащенно, с некоторым трудом качая теплую кислородонесущую кровь наверх в голову и откачивая от ступней, где застой этой красной жидкости грозит гангреной. Я торопливо рассматривал стену с подвешенными половниками, сковородками, цветными тряпочками, быстро оглядел посудные полки, газовую плиту, массивный холодильник.

Женщина стояла ко мне спиной. В ее руках блестел длинный нож. Струя воды падала на лезвие и разбрызгивалась по всей белой эмалированной раковине. Я с опаской посмотрел на нож, сразу представив, что если бы ухватил женщину за шею, то это приспособление, изготовленное для убийства, с легкостью вошло бы в мой такой незащищенный живот.

Она обернулась, ее плотоядные губы раздвинулись, показав белые зубы хищника: передние – резцы, четыре могучих клыка, а по бокам челюстей толстые коренные зубы, предназначенные для перекусывания и дробления костей.

– Садись же! Кофе остывает.

Я медленно опустился на стул. Женщина вновь улыбнулась, а я понял, что сел на то самое место, где вот уже несколько лет постоянно сидело это тело. А кофе эти годы готовила и подавала эта молодая самка, женщина по имени Лена. Это для нее я брился на ночь.

Очаг, или кухня, здесь расширен за счет одной из комнат, а попросту – убрана перегородка. На том конце этой кухни-гостиной диван и неременная «стенка», пара кресел, работающий телевизор, на экране которого быстро сменяются новости шоу-бизнеса. Эту передачу Лена смотрела неотрывно, глаза всегда блестят, переживает за скандалы и разводы своих кумиров – это нечто ритуальное у местных существ, а я медленно разделявал ножом и вилок яичницу. Вообще-то с яичницей, как и везде, где можно обойтись без ножа, надо без ножа, но мой разумоноситель предпочитал «хорошие манеры» даже дома на кухне, чтобы «не расслабляться», так что я старался вести себя как можно идентичнее.

Мелькнула мысль, почему это во мне заложены знания, и такие, как надо, к примеру, что яичницу без ножа, и почему мой разумоноситель держался иначе, какой-то вызов правилам, но, прерывая ход мыслей, эта особь-самка вдруг заявила:

– Перестань двигать этими складками на лбу! Ну, подняла раньше, чем обычно. Но я хочу успеть на утреннюю электричку. Зато кофе сварила покрепче. Сейчас проснешься!

Я пробормотал нечто, что можно было понять как благодарность, согласие и даже извинение, и это существо улыбнулось мне, вновь показав белые блестящие зубы хищника.

– Я тебе даже про запас смолоча! А то по лени начнешь глушить растворимый, а у тебя от него сердце.

– Ага, сердце, – повторил я тупо.

– Не то ноет, не то дергается, – напредила она, – хогь ты и скрывал! Я же знаю.

– Нет-нет, – проговорила я вынужденно, ибо отвечать что-то надо, горло перехватил страх, что вдруг да перестану говорить на языке аборигенов, но слова протиснулись хогь и хриплые, но внятные. – Пусть молотый.

Если бы она не была занята своими мыслями, то смогла бы заметить, что я не совсем тот, с кем жила в этой рукотворной пещере, но ее взгляд, как локатор, шарил поверх моей головы, даже проникал сквозь меня, наконец она заявила решительно:

– Вроде бы ничего не забыла... Вчера все собрала! Пора сажать, пора. Верно?

– Кого сажать? – пробормотал я.

Она вытаращила глаза, брови изумленно взлетели на середину чистого лобика. Я ощутил себя над пропастью, но ее лицо расплылось в улыбке, опять показали белые острые зубки среднего хищника, и я с облегчением понял, что эта особь только изобразила удивление.

– Вот ты всегда так!

– Да? – спросил я.

Она расхохоталась:

– Всегда одно и то же!... Подумай. Может быть, поедешь?

Я порылся в памяти своего разумоносителя, человека или, как его там, словом – меняносителя, отыскивая картинки,

как он себя вел, что говорил. Плечи мои передернулись, из гортани автоматически пошли слова:

– Ну, ты же знаешь... По мне бы вовсе дачи не было! Я не огородник. По мне, лучший отдых на природе – это полежать на диване с книжкой.

Она отмахнулась с пренебрежением. Все люди, мол, кто не ездит на природу, ущербные придурки. Дышат дымом, выхлопными газами, потребляют экологически нечистую пищу, ничего не видят, кроме четырех стен, портят глаза перед телевизором, а теперь еще и перед компом...

Это я знал, обычно бурчал, не соглашался, но теперь, в отличие от разумоносителя, с этим вполне согласен. Однако сейчас не до маленьких туземных радостей. Надо понять, зачем я здесь, что от меня требуется. А дача – это такое крохотное сооружение под открытым небом, защищающее от ливня, но не от зимних морозов: просто домик с клочком земли далеко за городом. Черт с нею, дачею. Мой разумоноситель и раньше, когда он с этой самочкой был ритуально связан, без всякой охоты принял в подарок загородный подарок от родителей. Сейчас гораздо тревожнее то, что я не знаю, зачем я здесь и сколько мне отпущено времени!

Прихлебывая кофе, это такой горячий взбадривающий напиток, исподлобья оглядывал комнату. Все в приглушенных тонах, Лена предпочитает такой стиль, домашний, консервативный, спокойный, только на том конце комнаты ярко и чересчур контрастно светится прямоугольник телеэкрана.

Сейчас из-за края выскакивают всадники на конях с перьями на конских и своих головах, мелькают озверелые лица, из динамиков несется лязг металла, крики, дикое ржание, на экране одни озверелые бородачи рубят и протыкают других озверелых бородачей, в пыль падают раненые, кровь брызжет алыми струйками, страшное зарево пожара, младенцев протыкают копьями и бросают в горящие дома...

Лена, прихлебывая кофе, одним глазом косила на экран. Поморщилась, когда крупным планом заточенный наконечник копья со следами ударов молотка с хрустом вошел в живот девчушки лет пяти. Девчушка захрипела, ухватилась обеими ручонками за древко. Всадник с натугой поднял обеими руками копьё, лицо побагровело, а жилы на шее вздулись. Но держать истекающего кровью ребенка на копье прямо над головой намного легче, и он, переведя дух, закричал красивым мужественным голосом о падении тирании злого узурпатора: вот его последний ребенок, сорная трава вырвана с корнем.

– Рабство, гладиаторы, – произнесла она с сомнением, – странные обычаи Рима... Не знаю, хотела ли я бы там очутиться даже императрицей? А вот среди древних греков... Эллада, аргонавты, Троянская война, культ красивых женщин...

Глаза ее мечтательно затуманились. Я смолчал. Вряд ли из-за нее разгорелась бы война с Троей. У моего разумоносителя красивая жена, но в древности были другие каноны

красоты, Елена Прекрасная – по нашим меркам всего лишь коротконогая толстушка. Даже если сравнивать наших женщин со статуей Афродиты, то у наших и грудь повыше, и бедра пошире, а талия – напротив, тоньше...

А что, мелькнула неожиданная мысль, если бы меня посадили в тело древнего римлянина? Или грека, египтянина, ассирийца, хетта? Мчался бы я на боевой колеснице, бросая дротики, возлежал бы в роскошной бане, окруженный рабынями и евреями... Гм, но я мог бы оказаться и среди приговоренных к казни. Тогда эти мероприятия случались чаще, чем в этом мире продают мороженое. Меня могли четвертовать, повесить, распять на кресте, посадить на кол...

Плечи передернулись, я ощутил холодный озноб по всему телу. В самом деле, я мог бы оказаться и там, смотря что поручат выполнить! Но, с другой стороны, могли бы меня перебросить и в века, которые по отношению к этому далеко в будущем. Я мог бы очутиться колонистом на Марсе, на планетах Сириуса, ловцом астероидов в соседней галактике!

Да что там ловцом астероидов, мелькнула мысль, показавшаяся странно знакомой. Я мог бы уйти в те звездные империи, что внутри атома, мог бы строить другие измерения для рождения новых вселенных...

ГЛАВА 2

Она допивала кофе торопливо, обжигалась, фыркала, как кошка. Щеки покраснелись от прилива горячей крови, одним глазом, словно хамелеон, косила на часы. Наконец с победным стуком опустила чашку на столешницу.

– Уф!.. Помоешь, ладно?

– Помою, – ответил я деревянным голосом.

– Ладно-ладно, – сказала она весело. – Через пару недель загляну, увижу их тут же в раковине.

– Ну...

– У тебя теперь две дюжины в шкафчике чистых. Я перемыла все.

Она резко наклонилась ко мне, блеснули острые зубы. Отшатнуться мне не дали усвоенные рефлексy, но страх стегнул по телу, как крапивой. В щеку влажно чмокнуло, словно кальмар или крупная пиявка пыталась присосаться. Я чувствовал, как там появилось влажное пятно. Затем эта особь вылетела в коридор, сдернула с крючка сумочку. Я слышал, как острые, словно копыта молодой козы, каблучки простучали в прихожую.

– Запрись!.. – донесся ее звонкий голос. – Теперь всякие ходят...

Щелкнул стальной язычок дверного замка. Снова простучали каблучки, затем вдали глухо загудел лифт. Негнущимися

пальцами я кое-как повернул дважды ключ. В толстой двери с металлической обшивкой в ответ дважды звякнуло.

Надо поменьше двигаться, сказал я себе торопливо. Наломать дров проще простого... Пока что мне везет, рефлекс-ы разумоносителя вывозят, но это скорее удача, чем моя заслуга. Боюсь, что вот-вот столкнусь с ситуациями, когда опыт и память разумоносителя не помогут. Надо посидеть, осмотреться, определиться, постараться понять, где я, зачем здесь, с какой целью.

Итак, я очнулся в квартире существа-доминанта этой планеты. Квартира – это ячейка в огромном улье-доме. Надо мной сейчас, отделенные тонким потолком, спят, совокупляются, едят и испражняются десятки и даже сотни людей. Внизу еще несколько этажей: их обитатели тоже едят, совокупляются, испражняются, – словом, живут нормальной жизнью землян. Так они зовут себя, хотя еще чаще – русскими, немцами, финнами, то есть по группам населения, а еще чаще вообще по маленьким кучкам, как-то: москвичами, пермяками, урюпинцами...

Как и принято, в этой комнате целую стену занимают книжные полки. Правда, на столе стоит компьютер. Эти несложные приборы освоили несколько лет назад. Очень слабенькие, примитивненькие, накопители информации в них простейшие, крохотные, и хотя уже выпускают книги на лазерных дисках, но те очень неуклюжие и неудобные, ими пока пользуются только самые заядлые юзеры...

Пальцы сами пошли по корешкам книг, ага, вот и школьный курс астрономии. В первой главе рисунок со средневековой гравюры. Монах добрался до края мира, высунул голову за небосвод. За хрустальным куполом вращаются исполинские зубчатые колеса, зацепляют другие, еще огромнее, еще массивнее. Все похоже на открытый механизм старинных часов, тогда самая что ни есть новинка! – монах вытаращил глаза, ошалел от вида исполинских колес мироздания, что приводят в движение звезды, планеты, небесные сферы...

Впрочем, нынешние знания, несмотря на этот комп, недалеко ушли от тех, когда земля стояла то на трех китах, то на трех слонах, а то и вовсе на черепахе.

Почему-то всплыла мысль о муравьях. Маленьких, блестящих, которые в таком изобилии попадают в лесах, парках, на улицах города. Одни покрупнее, другие помельче... Что еще знают о них люди? Кусачие, шустрые, вездесущие...

Ах да, у меня эти существа живут в двух цветочных горшках. Я уже знаю о них много такого, о чем наверняка не догадываются даже специалисты.

Нижнюю половину окна закрывают роскошные бегонии, любимицы Лены. Я не стал выбрасывать их после начала отдельной жизни, тем более что к тому времени по листьям уже бегали деловитые муравьи, пасли крохотных тлей, подстригали чересчур длинные волоски, откусывали засыхающие листочки, умело перенаправляли потоки сока, идущие

от корней к листьям. Я еще не успел выяснить: спят ли муравьи. Интересоваться ими стал давно, еще с детства... моего ли?.. но то была лишь смутная симпатия к существам более слабым, чем я сам, и только теперь, в зрелом возрасте, наконец-то поселил их дома.

Сейчас мой разумоноситель едва не вдавился носом в горшок, рассматривая муравьев, а я, который поселен в теле этого человека, подумал внезапно: а не потому ли заброшен именно в это тело, что это существо как-то связано с муравьями? Ведь оно, может быть, вообще единственное на этой планете, у которого муравьи живут вот так дома! Оно с ними общается, наблюдает, как-то воздействует на них, а они на него...

Ладно, если даже он не один, всяких чудаков на свете много, но он мог продвинуться в этих наблюдениях дальше других. Или ему предстоит увидеть нечто такое, что... что важно Кому-то из Пославших меня.

На этот раз уже не он, Егор Королев, а я – не известный пока даже себе, придвинулся к горшкам и банкам, рассматривал этих шестиногих существ с новым интересом.

Лена на прощание не забыла полить свои цветы, для муравьев это потоп: выскакивают из множества норок, блестя черными спинками, старательно тащат песчинки. Одни умело сбрасывают их с края горшка на подоконник, другие так же умело, «не отходя от кассы», бросают песчинки в соседние норки. Я наблюдал за одним работягой, который вынес

песчинок из своей норки впятеро больше, чем коллеги, и все песчинки аккуратно бросил в соседнюю норку. Если им платят сдельно, он неплохо заработал.

Правда, в соседней норке из пяти работяг оказалось двое таких хитроумных или хитрозадых. Они тоже деловито во славу и во имя расширения своей норки сбрасывали песчинки и камешки в близлежащие норки. Двое из пяти, подумал я, у муравьев еще жить можно. В конторе моего разумоносителя... в теле которого я оказался, работают по такому принципу четверо из пяти.

В правом горшке лазиусы: у них бурно растут личинки, и няньки выносят пустые коконы, быстро швыряют с края горшка. Те опускаются медленно, почти невесомые, точнее – плотный воздух весит столько же, коконы опускаются словно на морское дно. Подоконник весь усеян желтовато-белыми пустышками из шелковой материи. Я знаю, что когда молодой муравей просыпается в коконе, то выбраться сам оттуда не может – слаб. Старшие собратья распарывают кокон, вынимают новорожденного, облизывают, высушивают, направляют ему лапки, усики, прочищают глаза.

А вот у тетрамуриумов, что во втором горшке, я ни разу не видел вынесенных коконов. Тетрамуриумы вообще мужички прижимистые, у них все идет в ход, они и едят все подряд, не капризничают, как лазиусы, так что и пустые коконы могли приспособить на что-то дельное, если не на пеленки, то на тряпки, чтобы вытирать со стола, а то и половые тряп-

ки, ведь у муравьев всегда чисто.

— Нет, — сказал я вслух, чтобы удостовериться, что говорю это я, а не мой разумоноситель, — вряд ли так уж сразу и муравьи...

Ноги мои разогнулись медленно, я встал, как инвалид после долгой болезни. Придерживаясь за стенку, прошел через квартиру к балкону. Дверь распахнута, яркий свет, я осторожно вышел, прижался к стене. С трех сторон распахнулся мир, в котором я теперь есть, в котором что-то должен сделать, свершить...

Балкон, как знаю по памяти разумоносителя, на четырнадцатом этаже. Отсюда открывается вид. Так, по крайней мере, говорят. Открывается вид. Или — распахивается. Дома класса ульев, с множеством особей, протоптанные дороги... Множество механизированных телег. Снующие, как муравьи, люди. Дома в несколько этажей. Не в несколько сот или тысяч, а в единицы: шестнадцатизэтажки... Сразу понятно, почему такие города на этой планете зовут «пленочными». Даже самые «высотные» над поверхностью земли не выше, чем пленка нефти на озере. И сразу видно, на какую дикую планету меня забросили! Настолько дикую, что обустроить ее почти не начали. Даже между такими вот городами — огромные пространства вовсе не обжитой земли. Где земля или камни, где ничего не построено, а просто растет без приказа доминанта этой планеты.

Послышался резкий свист. Я вздрогнул, повертел голо-

вой. На балконе соседнего дома, что торцом к этому, толстый мужик в майке и трениках замахал обеими руками:

– Эй, сосед!.. У тебя шестой канал работает?

На миг холодная волна окатила с головой. Я дернулся, губы похолодели. Сам не знаю, какие каналы во мне работают, какие нет, потом сообразил, что спрашивают не обо мне, крикнул:

– Работает!

– Точно?

Я лихорадочно вспоминал, по каким каналам Лена щелкала, ответил уже не так уверенно:

– Показывают все двенадцать.

– Черт, – донесся его злой голос, – я думал, опять профилактика. Но не три ж дня подряд? Чертовы бомжи! Сегодня антенну сломали, завтра дом подожгут. Как думаешь, бомжи?

Он уставился на меня злыми глазами. Я пробормотал вынужденно:

– Или подростки.

– Да, тоже не подарки, – согласился он и скрылся в квартире.

Я тоже поспешно отступил, вдвинулся задом обратно в комнату, как рак-отшельник в раковину. Почему-то показалось опасно и незащищенно стоять вот так открыто.

Но даже в комнате, с закрытой на балкон дверью, не оставляло ощущение, что за мной следят. Но кто? Вряд ли я ощу-

тил бы так тревожно связь с Теми, Кто Послал. Они и так видят моими глазами, слышат моими ушами. А то, что я понял или осознал, становится мгновенно известно им тоже. Они перестанут получать от меня информацию, если меня здесь прибьют. Тогда им придется посылать другого агента...

По спине пробежал неприятный озноб. Что-то не нравится ощущение насчет «прибьют»... Почему-то кажется, что я втиснут в это тело так, что если погибну, то погибну на самом деле.

Я постарался отогнать леденящую мысль подальше. С чего бы так просто дать себя прибить? Аборигены как-то живут, а я наверняка наделен особыми способностями. Я же вижу, в какой примитивный мир попал, совсем молодой и варварский, планета вовсе не освоенная!

Возможно, меня нарочно не снабдили всеми данными.. Возможно, добытые ранее сведения сбивали предыдущих исследователей, скажем так. Я еще даже не определил свою настоящую роль. Еще не выяснил, зачем сюда послан. Может быть, я просто рядовой террорист, которому поручено что-то взорвать или кого-то убить.

Я прислушался к себе, по телу прошла неприятная дрожь. Нет, убить вряд ли. Дрожь возникла где-то глубоко внутри, вовсе не на материальном уровне, а уж потом передалась этому непривычно огромному телу. Скорее всего у меня миссия поважнее. И поинтеллектуальнее, так здесь говорят. Для простых исполнителей подбирают людей, гм, вспомнить бы,

каков я на самом деле, с более простыми чувствами.

В висках начала нарастать боль. Сперва тупая, медленно растеклась по всей голове, а с боков начали стучать острые молоточки, словно кирки, которыми долбят скалу.

Я стиснул ладонями виски. Под кончиками пальцев дергалось, пульсировало. С каждым толчком в череп словно забивали острый гвоздь. Я сжал челюсти, стараясь превозмочь боль, прошептал мысленно: давай сначала. И так, я очнулся в этом теле. Без памяти о своем прошлом...

Резко зазвенело. Вздвогнув, я панически огляделся, не сразу сообразил, что это проснулся и заработал так называемый телефонный аппарат. Трубка едва не подскакивала, вдобавок мигал зеленый огонек.

Я не стал бы снимать трубку, но мой разумоноситель, действуя на заученных рефлексах, протянул длинную руку с редким волосяным покровом по всей коже, звериные пальцы цапнули, сняли. Мелькнуло черное, я ощутил, как к уху прижалась прохладная пластмасса.

Голос разумоносителя произнес:

– Алло?

– Это Конопатый? – спросил из мембраны уверенный мужской голос. Не дожидаясь ответа, сразу же потребовал: – Позови Протасова, да побыстрее!

Я спросил осевшим голосом:

– Вы куда звоните?

– В прачечную, куда ж еще? – удивился голос. Я почти

увидел, как из чего-то темного и глубокого поднимается высокий вал с раскаленной до белизны пеной. – И пусть пошевелится, бездельник!

Я проговорил с сильно бьющимся сердцем:

– Вот в прачечную и звоните.

Опустил трубку в ее ложе, там такие рычажки, они при надавливании прерывают связь, но сердце колотилось учащенно, а в голове, как испуганные жужелицы, метались горячечные, суматошные мысли.

Черт, этот мир дик и неустроен, а я, видимо, сохранил ту чувствительность или хотя бы часть ее, что присуща Мне, настоящему Мне. Потому даже пальцы вон дрожат, будто куркрал. Или по ночам в облике черной кошки чужих коров доил... Но все-таки насколько этот мир дик! Даже такая грубая и упрощенная связь не в состоянии правильно найти абонента.

Или было что-то другое?

ГЛАВА 3

Ноги сами понесли в ванную комнату. С этим зеркалом связана какая-то магия. Или не магия, но что-то странное, если не откровенно зловещее. Из глубины на меня почти враждебно взглянуло знакомое, но и чем-то чужое лицо. Словно с того момента, как я осознал, что всажен в это тело и в эту эпоху, что-то переменилось даже во внешности этого человека. Взгляд стал другим, само лицо слегка вытянулось, кожа на скулах натянулась до скрипа.

Самец чуть выше среднего роста, с внимательными глазами, выразительным лицом. Впрочем, я мог оказаться и в теле женщины. Пока что не знаю, случайность ли, что я оказался именно в этом теле?

Кончики пальцев осторожно ощупывали лицо. Брови достаточно густые, чтобы задерживать пот, стекающий со лба, и длинные, чтобы отводить его соленые струи мимо глаз. Глаза расставлены широко, что обеспечивает бинокулярное зрение, а яркая радужная оболочка позволяет принимать и различать все цвета. Ну, не все, понятно, но довольно много. Ресницы густые, зачем, ага, предохраняют глаза от пыли. Чуть отогнуты концы, это чтобы не слипались во сне, не смерзались на морозе, вдруг выступит слеза от холодного ветра. Понятно назначение носа, ноздрей и даже волос в ноздрях, что отлавливают пыль, не пуская в легкие. Понят-

но, зачем сердце, внутренности, весь этот сложнейший механизм, именуемый человеческим телом. Но, похоже, не здесь ответ: зачем я всажен в это тело и что я должен сделать в этом отрезке времени?

Когда вернулся на кухню, мой разумоноситель привычными движениями засыпал коричневые зерна в примитивную электромельницу. Сразу затрещало, это его пальцы надавили на выступающую кнопку. Под прозрачным колпачком взметнулись по кругу коричневые комочки. Затем треск перешел в нагсадное жужжание. Под колпаком носилась по кругу темно-коричневая пыль, кофемолка тряслась, начала быстро нагреваться.

Так же заученно, даже без участия убогого интеллекта, руки разумоносителя вытащили из маленькой коробочки спичку, чиркнули. Вторая рука повернула верньер, на черную закопченную горелку без стука опустилась джезва. На кончике спички взвился оранжевый огонек, а когда я поднес его к самому краю горелки, там с легким хлопком вспыхнуло синее шипящее кольцо с острыми зубчиками жаркого пламени. Когда вода закипит, эти руки бездумно засыпят кофейный порошок, а когда пузырястая пена поднимется над краем — поспешно снимут, дадут отстояться самую малость, перемешают, позволят чуть отстояться, разольют по чашкам. Точнее, нальют в одну чашку, но вместительную. Все действия на простейших алгоритмах, как утренняя поездка на работу, как вопросы и ответы о здоровье.

Горячий напиток обжег горло. Я задержал дыхание, но частицы этого наркотика уже пошли в кровь. Мозг чуть очистился, даже кухня стала ярче, красочнее. Тело разогрелось настолько, что кончики пальцев почти не чувствовали разницы между горячей чашкой и раскаленными губами.

Так что же я должен сделать? Ради чего заброшен в этот мир? Вряд ли потому, что здесь нечто особенное, какие-то сверхтехнологии, которые мне велено выкрасть для своей цивилизации... Нет, этот мир совсем дик. Если здесь и есть что-то ценное, то явно не технологии.

Скорее всего, я здесь не затем, чтобы что-то взять. Что взять у нищих? Может быть, я должен что-то дать? Подтолкнуть к чему-то? Значит, это дружественная планета. Или потенциально дружественная.

Внезапно по телу пробежал злой холодок. Меня могли не снабдить информацией о моем мире еще и потому, что под пытками могу выдать некие координаты, разболтать тайны. Возможно, местные шаманы... или психотерапевты способны снимать любые гипноблоки, гипнослены и ментальные зазоры. Если это так, тогда все, что знаю, под пыткой выложу торопливо и с охотой, только успевай записывать! Так что лучше, если не буду знать ничего. А когда вернусь, то мне впишут обратно все мое Я.

Вроде бы все стало на свои места, но холодок страха проник во внутренности. Какой из меня суперагент? Таковым себя не чувствую. Правда, возможно, как раз агенты выше-

го класса провалились, и Там от отчаяния решили послать либо новичка, либо такого растяпу, которого здесь уж никак не заподозрят...

Грудь стеснило так, что сперло дыхание. Ага, ощущение страха и безнадежности вызвало эту физиологическую реакцию сужения кровеносных сосудов и сжатия мускулатуры. Хотя дыхание – акт непроизвольный, я все же могу в некоторой степени контролировать его сам: учащать, замедлять... В известных пределах, правда. Но иногда организм, не подчиняясь власти сидящего в нем разумоносителя, реагирует сам по себе: подпрыгивает при внезапном крике за спиной, смеется от щекотания, орет от боли... Гм, а если в этом организме помимо этого разумоносителя, так называемого человека, буду сидеть и как-то пытаться действовать еще и я?

Я торопливо допил кофе крупными глотками. Горячая волна прокатилась по пищеводу, и – насколько состав еды и питья действуют на обитателей этой планеты! – я даже ощутил себя бодрее и увереннее.

Теперь только не терять времени. Сегодня же постараюсь все понять и со всем справиться. Надо прояснить свое положение в обществе, понять эту цивилизацию, куда идет или, вернее, куда ее несет, что ее там ждет... Существуют же всевозможные футурологи, прогностические центры? Да и я не дурак. Что-то смогу. К тому же мне не случайно оставлена память этого существа. Я могу как черт по коробке отбарабанивать без запинки время обращения этой планеты вокруг

оси и вокруг местной звезды, именуемой Солнцем, что-то вспомнить о древних греках и даже вавилонцах... нет, вавилонянах, рассказать о компьютерах и модемах...

Еще хорошо бы определиться во времени и пространстве. Правда, в общих чертах я знаю о них от своего тела, не думаю, что оно мне сознательно врет, но на всякий случай надо полистать энциклопедию. Освежить азы. Да, сейчас бурный период перехода от исследования этого мира к его застройке. Всего несколько лет или десятилетий назад на карте мира было полно белых пятен. А еще два-три столетия тому назад вовсе не знали о существовании огромных материков за океаном.

Существа этой планеты вошли в стадию НТР, спешно строят компьютерные сети. Наивно полагают, что это решит все проблемы, как точно так же полагали с созданием атомной бомбы, пороха, каменного топора. Но человек, даже с компьютером, все еще животное, им движут инстинкты.

Я вытянул руки через стол, во всю длину, с сильно бьющимся сердцем посмотрел на эти длинные конечности, кожу, покрытую редкими волосами, рассмотрел выступающие суставы, сухожилия, костяшки на сгибах пальцев, этот самый сложный живой механизм, объединение клеток, когда-то выросшее из простейшей амебы! Оно усложнялось и усложнялось, пока не развилось до такого вот существа, где клетки на одном конце разросшейся амебы, теперь именуемой человеком, никогда не узнают, что делают такие же клетки на

другом.

Стоп-стоп, сказал я себе. Во-первых, одна и та же порция крови омывает все клетки, будь то в мозгу, кишечнике или в суставах. Во-вторых, вряд ли твоя главная цель – считать гайки в механизме, в который тебя временно посадили!

Еще через полчаса, не покидая кухню, я сделал вторую чашку кофе. Покрепче. Горячий и с сахаром. Сердечная мышца не поняла, зачем надо колотиться, если не прыгаешь на зверя, не убиваешь, не вгрызаешься острыми зубами в горло лютого врага, но послушно заработала чаще. Тяжелая горячая кровь, да еще подогретая большой чашкой кофе, задвигалась по большому кругу, в верхнем отростке спинного мозга накапливалась, услужливо снабжала кислородом и прочими питательными веществами тамошние клетки, чтобы работали на полную мощь. Даже на форсаже: мне ли, высшему, беречь ресурсы низшего существа этой планеты, когда их уже шесть миллиардов особей?

На исходе первого часа появилось ощущение, что мозг раскалился. Словно вся голова у меня литая, к тому же – в огне. На самом же деле, если мне оставили верные данные, в тонком костяном черепе находится рыхлая масса, вся густо пропитанная кровью, в которой, как принято считать, и происходят процессы мышления...

Мышления! Я горько усмехнулся. Это существо считает себя не просто мыслящим, а еще и венцом творения.

Голова уже трещала, словно по ней колотили молотком. Я сжал виски ладонями, боль вроде бы чуть притихла. На столе уже расплзались кофейные разводы. Одна треснутая чашка протекает. На подоконнике встопорщилась, как задранные лапки жука, распечатанная коробочка анальгина. Когда и распечатал, не заметил. Все на алгоритмах разумоносителя. Голова горячая, словно полдня пролежал под светом этой звезды. Зачем, зачем-то ж меня сюда забросили? Что я должен сделать?

Что выполнить?

Подкравшись к входной двери, через «глазок» долго рассматривал длинный коридор. Линолеумный пол блестит, недавно мыли. Во впадинках собралась вода, образовав мелкие лужицы. По обе стороны видны темные прямоугольники дверей в квартиры таких же существ, как и это, в котором я.

«Моя» квартира находится на самом дальнем конце длинного узкого коридора. Под обеими стенами существа-соседи выставили старые шкафы, потерявшие цвет и даже форму сундуки, комоды, всевозможные ящики, коробки с тряпьем, сломанные лыжи, велосипеды...

Сердце стучало учащенно без всякого кофе. Я трижды ходил смотреться в зеркало, оттуда на меня хмуро взирал молодой самец, во всем средний, таких хоть пруд пруди, но все равно грудь сжимало от мысли, что сейчас выйду из «своей» квартиры и окажусь среди десятков и даже сотен таких же

существ!

– Я ничем не отличаюсь, – сказал я вслух. Прислушался к своему голосу, повторил громче: – Ничем. Не отличаюсь!.. Я с виду такой же, как все. Никто ничего не заподозрит. Иди и держись так, словно ты и есть... то, за что тебя принимают.

Грудь моя раздвинулась, набирая воздух, как перед прыжком в воду. Я в самом деле задержал дыхание, напрягся, словно вода к тому же ледяная, открыл дверь, переступил порог, захлопнул дверь и торопливо вставил в темную дырочку железный стержень с зазубринами.

Внутри двери щелкало, клацало, там выдвигались стальные штыри, для них оставлены дырки в косяке и даже в стене, дверь уже не открыть без такого же стержня с точно такими же выступами. Странно, но от этого простого ритуала «запирания двери» я ощутил себя увереннее.

Когда я уже прошел весь коридор по направлению к лифту, лавируя между ящиками, сундуками, велосипедами, в ближайшей к шахте квартире заехали за дверь, слышно было, как щелкали замки. Отворилась массивная дверь, в проеме появилось толстенькое существо: самец, в халате, полы распахнулись, открывая выпирающий голый живот с белыми валиками нежного, как на откормленном гусе, жира.

– А, сосед, – сказал он жизнерадостно, как будто не стоял у «глазка», подкарауливая, а вышел вот и застал меня совсем неожиданно. – А у нас тут к вам дело...

– Какое? – спросил я с инстинктивной неприязнью.

Ногу занес из коридора на площадку, так и остался, ждал.

– Да вот мы с соседями... – сказал сосед громогласно, – уже говорили!.. Решили, понимаешь, бляха муха, поставить дверь! Отгородить весь коридор. Чтобы, значит, всякие бомжи не забредали.

Я не успел ответить, вместо меня ответил разумоносите-
тель, в теле которого я устроился:

– А разве забредают?

– Пока нет, – ответил сосед значительно, – но сейчас такое время! Да и спокойнее будет. Добавочная дверь отгородит. Звонки выведем на внешнюю. Правда, если придут гости, то придется пройти, так сказать, встретить. Но это не такая уж и большая плата за безопасность, верно?

Я... или, точнее, мой разумоносите-ль, пожал плечами.

– Верно. Но вам в самом деле нужна дверь именно для безопасности?

Он удивился:

– А зачем же еще?

– Можно вообще коридор превратить в коммуналку, – объяснил я. – И так здесь скоро не пройти! Дети уже бегают и играют, как в своей комнате, соседи выходят... – я провел взглядом по его жирной отвислой груди и толстому животу, – в халате, а будут выходить вовсе в трусах... а то и без них. Но и это еще не все. Я жил в коммуналке, знаю, как начинают ссориться за каждый сантиметр площади... Вы еще не погрызлись, но тогда уж точно погрызетесь.

Он стоял ошеломленный. Потом на лице отразилась обида.

— Мы ж все по-дружески!

— Хорошо дружат тогда, — ответил я, — когда ссориться не из-за чего. Ну ладно. Если главное — безопасность, то я «за»... — на его лице отразилось удовлетворение, но я тут же слегка повысил голос, — с условием, что вся эта дрянь, которую вытащили в коридор, будет либо выброшена, либо растащите ее обратно.

Он смотрел ошеломленный:

— Но разве это вам мешает?

Я сказал с прохладцей:

— Я в коридоре, к счастью, не живу. Но я всякий раз, когда иду к себе или выхожу из своей квартиры, прохожу через коммуналку. Пока еще в ней не сушится белье, но только потому, как я понимаю, что могут выйти из лифта и украсть. Но стоит поставить двери...

По его лицу я понял, что угадал. Или почти угадал. Будет дверь, вытащат в коридор и что-то более ценное, чем развалившийся комод или картонный ящик с рваной обувью.

Я прошел на площадку к лифтам, за спиной слышал звук захлопнувшейся двери. Щелкнул трижды замок. Моя рука поднялась к черной кнопке вызова лифта, палец вздрагивал от сильных толчков крови. Я присмотрелся: он не только вздрагивал, но его трясло, как веник, трясло и всю руку. Меня всего дергало и корежило, а сердце стучало чаще, чем ко-

гда я пытался понять: кто я и зачем появился в этом мире.

Палец со злостью вдавил в стену эту черную кнопку. Мерзко влипла в стену, похожая на крупное арбузное семечко, а там, в глубине шахты, за загадочно закрытыми дверями, закрипело, задвигалось. Слышно было, как тяжелая кабинка потащилась наверх, преодолевая гравитацию этой планеты. Такой была клеть, в которой шахтеров опускали в их норы, где те откалывали молотками пласты угля, только нынешняя клеть в домах чище и несколько, как говорят существа этой планеты, облагороженная.

Наконец в щели возник электрический свет, поднялся на мой уровень, стукнуло, грянуло, двери распахнулись. Я переступил порожек, чувствуя, как под ногами качнулся пол, под которым несколько десятков метров пустоты. Дверь захлопнулась, я отыскал на стене два ряда черных кнопок, нажал нижнюю, а мои глаза не отрывались от тусклого зеркала в задней стене.

Оттуда смотрел злой взъерошенный мужчина. Не я, а тот, в котором живу. Не могу же я завестись из-за такой ерунды, когда я – то ли космический пришелец, то ли заброшен из другого времени: будущего или параллельного...

Конечно, с какой-то стороны неплохо, что в критических ситуациях это существо перехватывает инициативу, отвечает само, принимает решения, но... я чувствую, как весь трясусь в этом теле. Хотя я очнулся с полным контролем над этим существом, но, похоже, оно уже норовит выскользнуть

из-под моей звездной руки и нырнуть во тьму своих инстинктов, влечений, желаний.

В тонкой щели между створками забрезжил свет. Кабинку качнуло, в подошвы слегка стукнуло. Двери распахнулись в просторный вестибюль. Из будочки на щелчок открываемой двери выглянула старушка консьержка, сморщенное лицо расплылось в улыбке. Все трое, работающие посменно, живут на средства от взносов жильцов, потому уже по-рыночному вежливы и приветливы.

Я кивнул, улыбнулся, мое существо обычно в этом месте кивает и улыбается, бодрым шагом пересек последнее закрытое пространство и толкнул тяжелую дверь.

В лицо дохнуло холодным ветром. Пугающе распахнулся огромный мир, безмерные пространства улицы, детской площадки, скверов... И хотя местное существо бурчит на скученность домов и машин: пройти негде, машины вылезают на тротуар, загазованность, нечистоты, но для меня этот мир велик и пугающ...

Итак, куда ходит нормальный человек этого мира? Или мне нужно найти что-то нестандартное, из-за чего сюда и послали?

Вряд ли Их интересует быт и отдых простых людей. В простые зачислим всех – от пьяного грузчика до президента страны, если их запросы не выходят за привычный набор: бабы, пьянка, спорт, зрелища. Правда, мир состоит на девяносто девять и девять десятых из этого привычного набора,

но местные существа лишь кирпичики строящегося здания. Их же скорее интересуют те, кто его строит. А еще вернее – кто делает чертежи.

Кто эти существа?

ГЛАВА 4

Шел, доверившись разумоносителю, мысли хаотически перескакивали со своего загадочного задания на неизвестных Тех, Которые Послали меня сюда. Знал бы, кто они, или хотя бы догадывался, может быть, само задание скорее всплыло бы в памяти!

Инстинктивно, точнее – по выбору разумоносителя, выбрал на берег местной загаженной реки. С той стороны прямо в воду спускались широкие каменные плиты, выпуклые, как спины крупных черепах. Они показались мне чем-то знакомыми, в памяти проплыли какие-то странные сцены, где эти щиты составляли пологую крышу, о которую в бессилии стучат стрелы, по которой гремят камни из пращи, скатываются горшки с горячей смесью, а под этой стеной группа закованных в медные латы людей упорно разбивает крепостные ворота!

Я потрянул головой, видение исчезло, мои ноги все так же неспешно переступали по разноцветному от бензиновых разводов асфальту. Слева, в десятке шагов, лениво плескалась грязная вода. Волны двигались тяжелые, как мазут, каждая в короне из массы окурков, бумажек от мороженого, прелых листьев и размокших газет.

Впереди через реку переброшен горбатый кирпичный мостик. Я брезгливо обошел детишек – кормят уток, как только

эти несчастные пернатые здесь выживают? – миновал парней с двумя девчушками, странных рыбаков... что можно выловить в Москве-реке? В голове стучало все глуше, мысли двигались, как сонные рыбы, уже даже забывал, зачем вышел, что пытаюсь понять.

Впереди на излучине двое мужиков в нечистых рубахах, стоя по колено в мутной воде, тащили пожарными баграми что-то тяжелое и раздутое. Я видел вздувшиеся жилы на худых шеях. У одного ветхая рубаха лопнула, мышцы выступали сухие и резкие, как плетеная корзина.

Когда я приблизился, они, пятась, подтащили к берегу нечто белесое и аморфное. Я с трудом узнал человеческое тело. Размокшее тело, пропитанное водой, полопалось, как спелый арбуз, мужики там его и оставили, наполовину вытащенным из воды. Утопленник распух, мясо отваливается, я сперва не понял, почему огромная и черная грудь странно шевелится, потом рассмотрел скопище крупных сытых раков, что вцепились намертво в тело мертвеца и рвали крепкими клешнями мягкую плоть, сovali в прожорливые пасти лоскутки белого вымоченного мяса, снова стригли, как роботы на заводе точной аппаратуры.

Один мужик сказал с одобрением:

– Крупные... Вась, принеси ведро, соберем.

Второй, чем-то похожий на этого утопленника, весь белесый и одутловатый, с побитой мордой в крупных кровоподтеках, прошлепал разбитыми губами, где корочка запекшей-

ся крови переходила в широкую полосу грязи:

– Да как-то... Одно дело знать, что утопленников жрут...

– Тю на тебя, – удивился первый. – Ты, Мордорыл, даешь! Вчера такое говно жрал, а сейчас раки тебе не по ндраву! Я ж их под водочку или пиво... А нет, так продадим. Раки-то не раки, прямо слоны!

Его проворные руки уже ловко хватали за толстые темно-серые панцири. Слышался слабый треск, шесть когтистых лапок отрывались от плоти, распарывая ее крохотными коготками. Толстый рак с костяным стуком бильярдного шара летел в ведро. Мордорыл поколебался, но раки в самом деле удались, начал неумело брать их за спины, отрывать от безобразно распухшего тела и швырять в ведро, а сам с любопытством всматривался в лицо мертвого, где раки уже выели глазные яблоки, сгрызли нос. Сейчас из глазных впадин торчали, пугливо извиваясь, острые хвостики мелких рыбешек, что жадно поедали мозг, то ли лакомясь, то ли освобождая место для икринок.

– Крупные, заразы, – сообщил первый. – У тебя есть монетка?

– А что?

– Сообщить надо.

Мордорыл поглядел на труп, поколебался:

– Ладно, позвоню. Только сперва надо этим, ну, которые зарабатывают на новостях в телевизоре. Они приплачивают, если их позвать раньше. Ну, раньше ментов. Народ страсть

как любит смотреть на мертвяков и всяких задавленных на улице! Мол, хорошо, не меня...

Первый хмыкнул:

– Начнут спрашивать, не опознал ли кто.

– А это затем, чтобы крупно показать на весь телевизор, – пояснил Мордорыл со знанием дела. – Родителя звонят, ругаются, что детей страшат, а эти так это резонно: а мы для опознания!

Оба оглянулись на труп, от которого не особенно обезображенными остались ноги, даже гениталии сожраны начисто. Живот проели до позвоночника, там и сейчас двигалось, ребра подрагивали, словно утонувший, даже пролежав пару недель в теплой воде, пытался вздохнуть.

Первый подумал, предложил:

– Зря вытащили целиком. Давай чуть приспустим обратно.

– Зачем? – удивился Мордорыл.

– Да чтоб следы насильственной смерти не высохли, – пояснил первый.

Мордорыл сказал с сомнением:

– Думаешь, насильовали? Хотя с этими новыми русскими.

– Насильственной! – повторил первый с презрением. – Тупой ты, хоть и что-то там кончал, если не брешь. Это значит, насильно его убили.

– Насильно? – переспросил его напарник, который что-то или кого-то кончал. Челюсть его отвисла, из уголка рта

потекла мутная слюна. – А как?

– Ну, да. Силой, значит. Так что пусть лежит, как был. А пока приедут, мы еще с десятков раков снимем. Они ж мертвечину за версту чувят! Вот смотри, еще один ползет... Давай, собирай! Твоя ж Галька их живыми жрет. А Китя так и вовсе только дерьмо из них высмактывает.

Мордорыл при упоминании не то родни, не то домашних животных откинул почти интеллигентскую щепетильность, не пригодную в эпоху рынка, вошел в мутную, как политика, воду и, стараясь не прикасаться к мертвяку, ухватился за сеть. Тело утопшего сползло до половины в воду. Песок цвета сибирской нефти чуть взвихрился, но было видно, как новоприбывший рак, а за ним еще один, помельче, обрадованно вцепились в распухшую ступню.

А в самом деле, подумал я с горькой насмешкой. Чего добру пропадать. Утопшему уже все равно, закопают в дорогом гробу или его тело съедят собаки. Он перестал быть, когда угас последний лучик сознания. Как горько завещал один польский поэт: «Хоронить себя я завещаю всюду, все равно при сем присутствовать не буду».

Я уже собрался идти дальше, но тут из-за тучки выползло солнце. Острый, как скальпель, луч вонзился в уже почти голый череп, и тут внутри меня что-то предостерегающе дрогнуло. В утопленнике проступило нечто тревожно-знакомое.

Чувствуя себя так, словно мне приставили к ребрам острые ножи, я осторожно сделал шагок назад, украдкой огля-

делся. Вроде бы никто не следит. Двое прохожих остановились неподалеку, но смотрят вроде бы на утопленника. Мальчишка подошел совсем близко, тоже уставился с живейшим интересом.

Стараясь не привлекать к себе внимания, я попятился, не делая заметных движений. Когда жиденькая цепочка зевак оказалась между мной и утопленником, я сгорбился, пошел потихоньку, держась по ту сторону нестриженных кустов.

Дома тянулись знакомые, привычные. Я ходил по этой улице тысячи раз. Я? Мои это воспоминания или только этого меняносителя? Вряд ли я прошел весь путь от рождения. Это было бы слишком нерациональной тратой времени. Проще всадить меня в тело ничего не подозревающего туземца, взять его воспоминания, чтобы не выделяться, не привлекать внимания...

Петляя по знакомым проходным дворам, я выбрался на ту улицу, где впервые поднялся с четверенек. Я знал здесь каждый камешек, и все-таки эта улица была уже другой. Совершенно другой. Мои подошвы мягко ступали по ноздреватой смеси смолы и мелкой гальки, уложенной просто на землю. Справа тянулась стена из обожженной глины. Время от времени открывались двери, обитатели этого мира сновали взад-вперед, озабоченные добыванием пищи, одежды, поиском новых самок, которых надо оплодотворить, дабы продлить себя в бездны времен...

С холодком ужаса и обреченности я ощутил, что улица все

та же, мир все тот же, но во мне в эту роковую ночь включилась некая программа, после чего я вдруг увидел, что я совсем не тот, кем себя считал все эти годы.

Да к черту годы!.. Теперь я уверен, что меня всадили в тело этого двуногого существа именно в эту ночь. Может быть, вообще за секунду перед пробуждением.

Существ этой планеты, чтобы не вздрагивать от одного их вида, я старался не замечать, но одно заставило повернуть голову.

От супермаркета к троллейбусной остановке весело и гордо несла себя на двух длиннющих и очень стройных ногах, как говорят, от шеи, Рита, соседка с шестого этажа. Яркая, будто картинка журнала мод, с призывно выпяченными далеко вперед молочными железами. Они колыхались при каждом движении, я невольно задержал на них взгляд, как и всякий самец, а она еще издали улыбнулась мне хорошо и призывно. Зубы блеснули белые, острые резательные спереди, по два мощных клыка на краях верхней и нижней челюсти. У местных существ такие зубы у всех, даже у меня, разве что у многих подпорченные, но у Риты они белые, как фарфор, она широко и охотно улыбается, то есть раскрывает широко рот, что вообще-то характерно для всех хищников, а дальше, как я помнил, у нее зубы тянутся мощные, широкие, разжевывательные, раздавливающие мелкие кости силой челюстей, там и рычаг короче, и зубы крепче, мощнее.

– Привет, – сказала она дружелюбно, – что ты так рано?.. Я слышала, ты сова...

Голос ее был музыкально-зовущий, я почему-то сразу увидел ее обнаженной в постели, волосы разметаны по подушке, она смотрит на меня, нависшего над нею, со страхом и ожиданием.

Правую руку ей оттягивал пластиковый пакет, сквозь прозрачный бок просвечивало кроваво-красное, истекающее кровью. В одном ломте еще теплой плоти я узнал мясо довольно крупного зверя, а в другом пакете колыхалась печень: скользкая, мокрая, еще почти трепещущая.

– Да так, – ответил я с трудом, пришлось прилагать усилия, напоминая себе, что она одета, к тому же мы на улице, а в этом мире уже перестали хватать и грести под себя понравившихся самок вот так сразу, без некоего ритуала, – не спалось что-то. А ты?

– Я жаворонок, – сообщила она гордо, хотя, по мне, больше походила на молодую и полную сил пантеру в период течки, гибкую и опасную. – После шести не могу улежать в постели. Хотя... гм... бывают исключения.

Троллейбус подошел, распахнул двери. Вышли двое обитателей этой планеты, а взамен куча юных самцов и недозрелых самочек с гоготом ввалилась в распахнутые двери. Троллейбус тронулся, створки нехотя задвинулись. Рита смотрела мне в глаза. Я вспомнил, что нынешнее жалование позволило бы моему разумоносителю содержать двух жен или

избалованную любовницу. А эта самочка хороша с ее сочным, зовущим телом. Я даже уловил манящий запах, то ли в духи в самом деле добавляют половые гормоны, как пишут, то ли я услышал ее чистый зов без всякой парфюмерии. У нее красивые дугообразные брови, густые длинные ресницы, длинный точеный нос с красиво вырезанными ноздрями обеспечивает грудь прогретым и очищенным воздухом. Тонкая в поясе, что позволяет свободно нагибаться и двигаться, с небольшими жировыми прослойками на животе, что обещает предохранять ребенка в утробе от случайных толчков, а также дает теплоизоляцию от холода. Кстати, в бедрах соблазнительно широка, что позволит рожать легко и сравнительно безболезненно.

Я ощутил, как тяжелая густая кровь прилила к чреслам, там потяжелело. Мощный зов пошел от гениталий, я едва не двинулся к ней, глядя бараньим взглядом и вытянув руки. Природа создала одних приспособленными к жизни, других – нет, а инстинкт продления рода именно приспособленных велит считать красивыми, зовущими.

Я ощутил, что не могу оторвать глаз от ее сочных красных губ, чуть припухших, что напоминают другие губы, которые при возбуждении вот так же краснеют и набухают, а если они не красные, то лучше не подходить, обернется и укусит...

Что со мной, подумал я, трезвея. Это же в дальней древности наши предки, что ходили на четвереньках, по таким приметам определяли, когда можно насесть на самку, а ко-

гда лучше не нарываться. Сейчас уже перешли на прямохождение, а красные полные губы и пышная грудь, подтянутая повыше, остались в глубине инстинктов, все-таки на четвереньках мы ходили многие миллионы лет...

Это они ходили, напомнил я себе. Эти существа. И это существо, чьи инстинкты так властно вторгаются в мои кристально четкие мысли. Сминают, загрязняют, черт бы забрал это тело, в которое меня всобачили!.. Но боюсь, что остальные не лучше.

Ее удивленный голос прорезался сквозь мой мир, как нож:
– Что с тобой?.. У тебя такое странное лицо.

Я вздрогнул:

– Черт! Голова трещит! Наверное, кофе был слабым.

Ее улыбка стала двусмысленной:

– Если у тебя слаб только кофе, то это еще терпимо. О, мой троллейбус наконец!.. Я поехала. Захочешь жареной печени – позвони.

– Спасибо, – пробормотал я.

Она поднялась в троллейбус, не касаясь поручней. Упругие ягодицы провоцирующе колыхались из стороны в сторону, прикрывая яйцеклад. Ноги быстро занесли ее по ступенькам, сильные, с хорошими мышцами, годные как для долгого бега, характерного как для семейства волчьих, что берут добычу гоном, так и для семейства кошачьих, что настигают жертву в два-три стремительных прыжка.

Троллейбус тронулся, за стеклом был взмах белой руки,

я рассмотрел даже блеснувшие в призывной улыбке острые зубы, затем эта емкая тележка укатила с мягким шуршанием вдоль проезжей части, а я еще долго стоял с колотящимся сердцем. В голове, как во всем теле, сумятица, кровь разносит гормоны из гениталий по всему организму, горячая волна мощно бьет в мозг, а там и без того хаос. Увы, мозг не изолирован, да и вообще разумоносители этой планеты убеждены, что человек думает только головой, а ведь на самом деле он думает всем телом! Если лишится руки или ноги, то и думает иначе...

Я перевел дыхание, заставил себя посмотреть по сторонам, снова вздохнул поглубже. Теплый пробензиненный воздух наполнил грудь, в носу защипало. Пахнет асфальтом, машинным маслом, вот широкие потеки на проезжей части, гниющими овощами из переполненной урны...

Ноги мои сдвинулись, улица поплыла навстречу. Понятно, я же не собираюсь еще возвращаться в «свою» квартиру, так ничего и не поняв, а вот так, даже просто глаза по сторонам, могу на что-то наткнуться...

Впереди молодая самочка, очень невзрачная, с плоской грудью и плоским задом, совала прохожим листочки. Из-за того, что я брел медленно, она уверенно развернулась ко мне:

– Возьмите, это ваше спасение!

Я слегка вздрогнул, машинально взял бумажку, там крупными буквами было отпечатано: «Ваше спасение – ихти-

лайф», а чуть ниже шли пункты, подпункты и всяческие советы, как можно достичь совершенства, питаясь одной рыбой.

– Гербалайф был доступнее, – проворчало мое существо. – А рыба... Да если еще красная... Да икорка под водочку...

– Никакой водочки! – заявила девушка громко. – Правильный путь состоит только в следовании верным принципам...

– А что такое принципы?

– Наши принципы – это...

Я смотрел на ее тонкие шевелящиеся губы, инстинктивно поставил ее мысленно в позу мытья пола, ушибся о торчащие кости, тут же устыдился, улыбнулся как можно вежливее и пошел дальше. Пальцы мои складывали листок вдвое, потом еще и еще, пока он не превратился в тугой комок, которым можно, как камнем, попасть в урну с пяти шагов.

На этой планете есть два типа несчастных наивных: одни надеются, что существуют некие тайны древних мудрецов, раскопав которые посвященные сразу обретут и здоровье, и бессмертие, и все-все, что пригрезится в мечтах. Это те люди, которые в детстве мечтали о пиратских кладах. Другие, наивные, страстно ждут от медицины немедленного решения всех проблем. Именно эти несчастные становятся жертвами гербалайфов, чудес голодания, они всю борются с белыми врагами человечества: сахаром и солью, а я помню... –

ну пусть я, ведь я роюсь в его памяти, как в своей собственной!.. – эпидемии борьбы с мясом – от него стареют! – с яйцами – холестерин вреден! – будут и еще эпидемии. Этот класс несчастных не уменьшится, а то и увеличится, в отличие от первого, ибо тайны древних раскапывать все труднее, а любое, даже самое крохотное, продвижение медицины вперед сразу же возрождает надежды на немедленное избавление от всего недоброго и приобретение всего желанного!

ГЛАВА 5

Под ногами серый потрескавшийся тротуар, сбоку проплывают такие же серые запыленные стены. Лишь изредка здание блистает отделкой, тогда площадка перед ним вымощена широкими цветными плитками. Существа выходят и заходят, приятно возбужденные, но я проходил мимо таких магазинов, не повернув головы.

К сожалению, 99 процентов всех усилий так называемых людей направлены на развитие механизма, в котором их сознание находится. Это спорт, тренажеры и прочая лабуда. На обслуживание тел уходит 99,999 процента всех ресурсов планеты. Начиная от моделей одежды и одеколонов до высадки людей на Луне.

Крохотнейшая доля процента если и направлена на развитие интеллектуальных способностей, то случайно, так как здешняя доктрина гласит, что человека нужно развивать разносторонне. А всякому понятно, что такое разносторонне. Для абсолютного большинства населения человек попросту со всех сторон утыкан половыми органами. Еще у него есть желудок для перерабатывания в дерьмо пива и раков, а также ноги, чтобы гонять по зеленому полю мяч.

Я заметил, что, пока я углубился в мысли, мой разумоноситель начал двигаться в направлении гастронома. Если не вмешиваться, он сам купит хлеба и мяса, отнесет к себе в

нору, а там либо приготовит сам, либо дождется, когда явится одна из самок и приготовит, а потом еще и разгрузит его от скопившейся за это время спермы. А сперму надо сбрасывать регулярно, хотя бы в кулак в ванной, чтобы и в без того неясный мозг не вторгались сладострастные видения, что напрочь заглушают всякие мысли.

На перекрестке я рискнул купить мороженое. Мой организм сожрал холодную сладость с жадностью, чуть ли не с бу-мажкой, ему все равно, что в его мозг подселен квартирант. Разохотившись, я купил по дороге пару пирожков, съел, наслаждаясь вкусом и запахом теплого мяса, и только по возбужденно прыгающим кишкам да еще по внезапно вспыхнувшим фонарям понял, что бродил до позднего вечера.

Троллейбус довольно скоро довез меня по Пресненскому валу до мебельного магазина, вон моя шестнадцатизэтажка, на тротуарах пусто, словно город вымер. Троллейбус подкатил к остановке, двери с шипением сложились в гармошку.

Я выскочил из передней, так ближе. Троллейбус долго стоять не будет, я бегом обогнул его спереди, краем глаза успев увидеть высоко за мутным стеклом размытый силуэт толстой бабы-водителя за рулем, перебежал через шоссе, держа глазами ярко освещенную витрину на той стороне улицы... Сзади вжикнуло, спину обдало волной воздуха. Что-то стремительно царапнуло по отставленной в беге назад подошве, да так, что я едва удержался на ногах!

Я уже выскочил на тротуар, тогда лишь оглянулся и по-

смотрел вдоль шоссе. В груди стало холодно. И чем больше я смотрел вслед стремительно удаляющимся красным огонькам, тем холод становился злее.

Этот легковой автомобиль на огромной скорости обгонял троллейбус, когда я неожиданно выскочил на дорогу. Водитель, возможно, не успел меня даже заметить, разве что смутно мелькнувший силуэт, мне лишь задело колесом или крылом подошву.

На подгибающихся ногах я побрел по тротуару. Выходит, если бы чуть помедлил, меня бы в лепешку. От такого удара на десятки шагов отшвырнуло бы уже окровавленный труп.

Кто? Кто за мной охотится? Кто пытается убить таким образом, чтобы это походило на простой несчастный случай?

Я ощутил, как плечи сами собой передернулись. Мое человеческое тело с опозданием среагировало на весь ужас происходящего. Если бы его расплющило, то, по всей видимости, погиб бы и я. Не это тело, черт с ним, а я, настоящий, который всажен в это образование из мяса и костей так умело. Тем самым раскрылось бы, что я не являюсь простым человеком, обычным обитателем этой планеты!

– Я виноват, – произнес я вслух, но шепотом, чтобы никто не услышал поблизости. – Я сорвал бы всю операцию. Я проявил беспечность. Прости, я постараюсь собраться и приступить к выполнению задания.

В холодильнике отыскалась литровая стеклянная банка с

нарезанной крупными ломтями селедкой. Сквозь запотевшее стекло блестели свежими срезами кольца репчатого лука, белые с оранжевым, а сами толстые, как кабанчики, ломти селедки истекали соком. Я сглотнул слюну. Банка перекочевала на стол, за спиной лязгнула дверца, тут же злорадно загудело. Я привычно ткнул локтем в холодный корпус, гудение оборвалось.

Так же привычно запустил два пальца, поймал верхний кус, прихватив и пару колец лука. Рот моего существа раскрылся еще до того, как я выудил добычу.

В голове начало проясняться уже после второго ломтика, а когда сжевал пятый, во рту стало солено, но в голове ясно. С некоторым удивлением ощутил, насколько сильно завишу от того, что ем. Можно таблетку анальгина или чего-то подобного, а можно просто что-то съесть. Съесть бы то, что разом воскресило мою память! Даже зная, что для успешного выполнения моего задания нужна именно вот такая амнезия, все же, наверное, не удержался бы. Может быть, потому, что я не какой-нибудь супербоец. Иначе не чувствовал бы такого страха, даже ужаса перед этим диким миром. Но, наверное, заброшенных в этот мир супергероев тут же выявляют. Иначе почему Те, Пославшие Меня, решили, что я вот такой, трусливый и растерянный, как две капли воды похожий на всех остальных обитателей планеты, смогу подобраться к некой тайне гораздо ближе?

Селедку запил пивом, голова не прояснилась, напро-

тив – потяжелела, но наступило странное тупое спокойствие. Некоторое время просто сидел перед телевизором: на душе, как и в желудке, странное успокоение.

На светящемся экране сменялись цветные картинки, мельтешили. Наконец начал вычленять звуки, понимать смысл. Передача из какого-то супердворца, где ярко и богато одетые люди, все в сверкающих кристаллах на шее, в ушах и на пальцах, заполнили зал, а еще более яркие на безумно освещенной сцене что-то выкрикивают, на что весь зал хлопает в ладони и взрывается криками.

– Туземцы, – пробормотал я. – Ну почему, почему меня забросили именно сюда?

Судя по моей записной книжке, живу более чем уединенно. Телефонных номеров дюжины две, из них половина – женские. С комментариями о степени податливости, слабостях, капризах. Страничка с интернетовскими адресами, реакция на переустановки нафигаторов, когда все летит на фиг. Но сейчас Интернет ни к чему.

Поколебавшись, позвонил Валентину. Однокурсник, звезда, его уже всерьез называют по отчеству, в то время как меня с остальными – только из вежливости, да и то совсем изредка. На том конце долго не отвечали, я не удивился, меня тоже не всегда застанешь у телефона в готовности снять трубку. Выждал семь гудков, перезвонил следующему. А потом еще следующему.

На месте оказался только пятый по списку, Петр Кричен-

ко. Взял он трубку удивительно быстро, словно сам уже опускал ладонь на трубку, намереваясь звонить:

– Алло?

Голос его не изменился, хотя я вспомнил с некоторой неловкостью, что не виделся с ним уже лет пять, а по телефону последний раз говорил почти год назад. Суховатый, подтянутый, если такое можно сказать о голосе, как и сам Петр, в недавнем прошлом военный летчик-испытатель, уже на пенсии, у них там год за три, если не за пять, и когда ГАИ останавливает его за превышение скорости, чуть ли не вбивают в наручники за предъявление пенсионного удостоверения: какой пенсионер в тридцать пять лет?

– Привет, Петя, – сказал я. – Извини, что поздно. Но ты ж вроде сова? Ты никогда раньше часа ночи не ложился, а сейчас еще только... А, черт, уже в самом деле час. В самом деле не спишь? Давненько не слышал, как ты дачу обихаживаешь. Уже хотя бы вскопал участок?

На том конце слышался короткий смешок:

– Собираюсь. Уже и магазин присмотрел, где как-нибудь при случае куплю лопату. Хороший магазин. Реклама по всем телеканалам. Они еще водкой и дубленками торгуют. Сам понимаешь, лопаты из такого магазина сами участок перекопают.

– Давно мы не встречались, – согласился я. – Знаешь, только что звонил Валентину.

Из трубки донесся легкий шорох, затем Петр легонько

кашлянул, голос его был неуверенный, словно сам не был уверен, можно ли такое говорить вслух:

– Ты ему звонил?

– Да.

– Ну и...

– Не ответил.

После паузы Петр ответил с тем же неловким смешком:

– Жаль. Интересно бы узнать, как там.

Я насторожился.

– Где?

– Там, – повторил он. – Там... Куда все уходят. Ты, похоже, не знаешь, но Валентин уже никому ничего не скажет. По крайней мере, по телефону. Он мертв.

Я ахнул:

– Но как же... Он же так берегся! Он не то что самолетом, он в такси не садился! Или что-то изменилось?

В голосе Петра чувствовалась такая горечь, что у меня во рту появилась вязкая слюна, словно я сам наглотался полини.

– Да нет. Напротив, он все чаще говорил о сверхценности жизни. И сам так жил. Шел по тротуару, к тому же – по своей привычке! – подальше от бордюра. Чтобы, мол, террористы не захватили. Под самой стеночкой пробирался. А тут вдруг на проезжей части какой-то автомобиль потерял управление. Прямо из третьего ряда пошел наискось к тротуару, никого не задел, перескочил бордюр, и... словом, как Валентин шел

под стенкой, так его по ней и протащило. Чудо, что еще жил, пока везли до больницы. Все-таки йога что-то дает... Врачи головами качали! Говорят, другой бы на его месте помер сразу. А этот все что-то пытался сказать.

Трубка в моих пальцах стала тяжелее чугунной тумбы. Что-то более страшное и опасное почудилось в словах Петра, чем просто сообщение о смерти бывшего однокурсника.

– Как он умер?

– Уже в больнице. Пока везли через весь город, еще жил, хотя его кишки лежали рядом. И когда поднимали в лифте в операционную. А потом как-то все сразу. Умер, будто свет выключили.

В его голосе послышалось что-то недосказанное. Я спросил хрипло:

– А кто его так?

– Не поверишь! Самое нелепое, за рулем был сыроед. Ну, из тех, кто не ест мяса, как вегетарианцы, ни молока, ни сыра, ничего жареного, печеного или вареного... Словом, только натуральное, сырое, как наши древние предки, к тому же без мяса, рыбы... только травки! Наверное, от такой замечательной пищи с ним что-то и стряслось. То ли с сердцем, то ли в глазах потемнело.

– Он так и говорит?

Голос Петра стал тише, в нем слышалось глубокое презрение:

– Да всякое лепечет. Верить ли? Что-то такое мелкое,

трусливенькое. Клянется, что ехал как всегда. Вдруг, мол, не то руль внезапно дернулся, не то под колесо что-то попало. Не успел сообразить, как автомобиль уже на тротуаре. Тряхнуло, грохнуло, проскрежетал по стене. Он даже не сразу врубился, что человека сшиб.

В комнате потемнело, я чувствовал, как будто осыпало по голой коже снегом. Страшиновато.

– А что, – сказал я чужим голосом, – пытался сказать Валентин?

В трубке хмыкнуло:

– Да кто слушал? Напротив, ему говорили, чтобы молчал, при таких ранах нельзя даже губами двигать. Вкололи что-то снотворное или антишоковое, не знаю. Ну, чтобы помалкивал, дал организму дожить до больницы, а там уже спасут.

– Не дали сказать?

Голос Петра был угрюмый:

– Не дали. Хотя, наверное, зря. Почему-то принято считать, что умирающий может сказать что-то особенно важное. Он как бы уже видит Ту Сторону. Я сам как-то собирал последние слова великих. Получился красивый винегрет вроде: и ты, Брут?.. Света, больше света!.. За Родину, за Сталина!.. Люди, я любил вас... Нет, не больно... Только не трогай мои чертежи... Пойду искать Великое «Быть Может»...

Он что-то говорил еще, цитаты так и сыпались, но я не слушал. Что мне слова великих этой крохотной планеты, мне бы услышать, что старался выговорить разбитым ртом Ва-

лентин!

Заварил еще кофе, с первого же глотка кровь двинулась по телу тугими горячими толчками. Снова начал различать и шумы за окном, и учащенное биение своего сердца, а с экрана телевизора, который почти не замечал, снова шло надоевшее о гигиенических прокладках, об особой краске для волос, о несмывающейся губной помаде. Все ролики один за другим, кучно и торопливо, словно депутаты, спешащие в буфет, а я вдруг ощутил болезненный укол в грудь. Это ж если хоть сотую часть этих денег, что на такую рекламу, да на нужды, скажем, медицины, то уже наверняка на этой планете излечили бы рак и СПИД, а если бы колоссальные суммы, что выбрасываются на дорогие духи и туалетную воду, потратить на науку, то здешние существа уже топтали бы Марс и Венеру, строили бы фермы на спутниках Юпитера.

Да и многие проблемы, если бы не были разрешены уже сейчас, то разрешились бы в следующем поколении.

Дрожь прошла по телу, заледенила сердце. Не затем ли меня... Да кто же я, посланный затем... возможно, затем... чтобы повлиять на всю эту нелепость, именуемую цивилизацией?

ГЛАВА 6

Обжигаясь, допил кофе, горячая, почти черная струя влилась в кровь, ударила в голову, сердце застучало чаще.

Меня подбросило, замелькали белые стены. Это мой разумоносите́ль, не в силах усидеть на месте, выскочил из кухни и заметался по квартире с такой скоростью, что картины на стенах и книжные полки слились в пестрые полосы. Дверь на балкон распахнулась с треском, набухла после недавнего дождя. С порога я застыл, прикованный страшным зрелищем: огромный бледно-оранжевый шар, небесный спутник этой планеты, медленно опускается за темный горизонт! Конечно, я понимал, что на самом деле Луна, вращаясь с огромной скоростью сразу в нескольких направлениях, несется вокруг этой планеты, а та с еще большей скоростью, сравнимой разве что со скоростью пули, вертится и вокруг своей оси, и вокруг звезды. Но обманчивое зрение твердило, что пол под ногами находится в центре мира, а я живу, да-да, живу в этом теле, что разлеглось в плетеном кресле на балконе, мой организм настойчиво посылает в мозг сигналы, что устал, чувства притупились, срочно надо освежить их... в некоем странном состоянии – сне...

Я попробовал взять контроль над телом, оно в самом деле подчиняется во всем... за исключением вмонтированных в него ограничителей. Сколько я так просидел, таращась на

жутковатое звездное небо, но в голове снова зарои́лся туман, мысли начинали путаться. Мой организм уже сам по себе зевал, чесался, оглядывался на раскрытую дверь в комнату, где видна кровать. Как ни горько, но я настолько плотно всажен в это тело и привязан к нему, что его примитивные инстинкты и желания властвуют надо мною!

– Черта с два! – сказал я зло.

Я смолол кофе, но в последний миг руки зависли над джезвой. Ну, поставлю на огонь. Ну, выпью еще одну большую чашку этого наркотика: еще крепче, еще слаще, еще горячее. Продержусь без сна до утра. А что потом? Даже за крохотную победу надо расплачиваться... Если смогу продержаться без сна, переломив примитивные инстинкты этого разумоносителя, то к утру голова будет как ватой набита.

Значит, вот пока что первое открытие: я не могу воспользоваться никакими другими силами, кроме крохотных силенок моего разумоносителя. Не могу перемещаться во времени и пространстве, для меня закрыто как прошлое, так и будущее. Я не могу даже протянуть руки и потрогать в Индийском океане воду, теплая ли, не говоря уже о том, чтобы усилием воли перенестись на Марс и побегать по его красным пескам, перейти в другое измерение и посмотреть взрыв сверхновой... Но что, что я должен совершить?

Расстелив постель, подошел к балкону, намереваясь закрыть двери. В лицо пахнул прохладный ночной, нет, уже почти утренний воздух, слегка влажный, с запахами разогре-

того асфальта и бензина. От близкой дороги прошуршали шины, вдали звякнули составы, коротко ревнул гудок. В соседнем дворе надрывно забибикала машина с чересчур чутким автосторожем.

Я стоял неподвижно, плечо уперлось в дверной косяк. Глаза, привыкшие к яркому свету комнатных ламп, выхватывали только желтые пятна фар, оранжевые огни в окнах напротив, потом я начал различать силуэты.

Мазнул взглядом по темному небу, снова вперил взор в дом напротив: в одном из окон раздевалась женщина с развитой фигурой... ощутил неудобство, поерзал, взгляд словно сам поднялся кверху.

Мир, в котором я теперь, накрыт темным исполинским куполом. Тысячи звезд усеяли свод, тусклые и яркие, мерцающие и недвижимые. То ли воздух оказался на редкость чистым, без облаков и ядовитого смога, то ли еще что, но я ощутил, что смотрю и смотрю неотрывно на эти звезды, а холодок со спины расползается по всему телу, пробирается во внутренности, ползет ледяной струйкой к сердцу.

Это и есть звезды, о которых говорил еще отец этого разумоносителя, о которых это существо читало в учебнике астрономии. Скопления раскаленного газа, что находятся от меня, от этого балкона, на расстоянии... тысяч и тысяч, но не километров, не сотен тысяч километров, а сотен световых лет! Это значит, что свет, который распространяется почти мгновенно, оттуда летит многие и многие годы. И что весь

этот мир, где я нахожусь, — крохотнейшая песчинка в абсолютно пустом мире. Земля в сравнении с заурядной звездой, каких мириады, — песчинка рядом с небоскребом. Но сами звезды разбросаны в пустоте, как песчинки: одна над Тихим океаном, другая — над Атлантическим, третья — над Африкой. Да нет, куда реже...

А что же планета Земля, перед которой звезда — небоскреб?

А что же я, мелькнула жутковатая мысль, которому эта планета кажется бескрайним необъятным миром? Каково мое место в этом чудовищно, невообразимо огромном мире?

В страшной пугающей черноте космоса я с астрономической неспешностью двигался мимо нейтронной звезды. Идеально круглый шар блестит как зеркало, и хотя размером почти с Юпитер, но на нем не найти горного хребта даже в миллиметр высотой. Чудовищная гравитация выровняла поверхность до холодного ужаса идеально. И жить там невозможно, я лечу... сам?... в каком-то аппарате?... Нет, я не лечу, я просто двигаюсь. Медленно и неспешно двигаюсь через космос... Сам по себе?... Во мне нечеловеческая тоска, ибо прошли миллиарды лет с того времени, как я уже двигаюсь через пространство, тянусь через этот континуум, астрономически медленно перехожу от одного мира к другому... но везде чернота, однако надо жить, искать...

Смутно я чувствовал, что во всей Вселенной больше нет

жизни. Что есть только я, единственный, от этого тоска росла, уже нечеловеческая тоска, вселенская тоска.

Очнулся от ужаса в холодном поту. Сердце колотилось, как будто я бежал на высокую гору. Я лежу в комнате своего разумоносителя, но чернота космоса еще во мне. Грудь сжимает тоской. Страх размером с горный хребет не вмещается в мое человеческое Я. Краем сознания я ощущаю, что воспринял только тень тени того, что ощущает то Иное, с чем или кем я был на какой-то жуткий миг связан.

Я умер бы, мелькнула мысль, пробудь в этом странном контакте дольше или вмести в себя больше. К счастью, человеческое сознание снабжено предохранителями, ими снабдила эволюция, остальную массу чувств я просто не воспринял. А те, кто воспринимал, вымер. Наверное, в первобытных или не совсем первобытных племенах не могли понять, почему кто-то вдруг падает замертво без всякой видимой причины.

Это называется сон, вспомнил я. По телу еще ходил холод, вздымая на коже пупырышки и волосы. Сон – это... Это нечто страшное и загадочное, разумоносителям все еще непонятное. И неисследованное. Никто на этой планете все еще не знает, что это такое. Как кипит плазма в недрах звезды за сто миллиардов световых лет – знают, но что происходит с каждым из них каждые сутки – не знают.

Черт, да где же я был? Что со мной творилось в то время, когда я лежал в бессознательном состоянии? Это ж не спе-

циально для меня придумано! В так называемый сон впадает каждый житель этой планеты, будь он человек или собака. Не знаю, спят ли амебы, но люди впадают в это странное оцепенение все...

С другой стороны, мелькнула судорожная мысль, за это время можно скачать все файлы из моего мозгового харда. Да и не только скачать! Скачать можно за наносекунду, а за целую ночь меня можно как перепрограммировать всего с головы до пят, так и вовсе...

Холодок превратился в ледяную волну. Да, во время семичасового оцепенения со мной можно сделать настолько много, что...

Нет, лучше об этом пока не думать. Надо поскорее понять, что от меня требуется, и как можно быстрее выполнить свое предназначение.

Что это было? Если сон – лишь слегка искаженное восприятие повседневности, как принято здесь считать, то откуда такой сон? В этом человеческом теле я никогда не был в космосе! Да еще в таком космосе.

Из кухни дразняще пахло жареной яичницей с ветчиной. Звякали тарелки, журчала вода. Привычные звуки, но сердце стиснула такая тоска, что я еще долго лежал, стараясь заставить себя вести так, чтобы не вызывать подозрений существа, именуемого моей женой.

Из кухни донесся веселый голос:

– Ты опять, лентяюга, валяешься? Уже одиннадцать часов!

Лена, та самая, что долго была по здешним ритуалам именно моей самкой, потом ушла, согласно другим ритуалам, и которая живет одна вольно и свободно. Правда, все чаще и чаще заглядывает ко мне, иногда готовит, словно соскучилась по той размеренной жизни, которую презирала.

– Я не валяюсь, – ответил я сипло, – я просто лежу. Нет, уже встаю.

– Долго же ты встаешь! Завтрак готов.

– Ты жаворонок, – пробурчал я, – а вот мы, благородные совы...

Дальше я позволил своему разумоносителю говорить вместо меня. Ничего сложного, ибо, как все эти люди, так они зовутся, состоят из атомов, так и вся их жизнь состоит из готовых алгоритмов. Когда алгоритмы касаются целых стран, то их называют сценариями. Так и говорят, что события развиваются по такому-то сценарию. У отдельных особей набор алгоритмов чуть больше, но все же человек мыслит, как признали сами люди, лишь четыре минуты в сутки. Остальное – инстинктивные реакции. Человек заученно идет на работу заученным маршрутом, улыбается, говорит готовые фразы и отвечает тоже готовыми, неожиданности не случались.

– Да иду я, иду! – крикнул я. – Просто всю ночь не спал!

– То-то у тебя в раковине четыре грязные чашки из-под кофе...

- Ничего, – буркнул я. – У меня еще две коробки в запасе.
- Кофе вреден на ночь!
- Ага, вреден...

В ванной, пока чистил зубы, снова долго смотрел в зеркало. Оттуда на меня подозрительно пялился вполне нормальный мужик, интересный даже, как сказали бы женщины, только в глазах какое-то недоумение и даже затаенный страх. На полочке выстроились кремы, шампуни, увлажнители, смягчители, антипрыщители – все в дорогих флаконах, над формой которых ломают головы высокочеловеческие конструкторы. Они и получают вдесятеро больше конструкторов космических кораблей. Кого волнует дальний космос? А вот прыщи на харе...

Мои губы дернулись в презрительной усмешке. Местные не понимают, что от морщин нельзя спастись. Их если и отдалишь, то какая разница, появятся в этом году или в следующем? Но за эту разницу выложишь сумму, за которую как раз и гнул спину именно год. А дальше придет обязательная старость, обязательная смерть... А впрочем, старость не обязательна. Можно умереть и молодым. От болезни или под колесами автомобиля. Но вот окончательного финала не избежать никому из жителей этой обреченной планеты!

– Что случилось? – поинтересовался я. – Ты же собиралась на дачу?

– У Макеевых машина сломалась, – сообщила она огорченно. – Мы ж всегда ездили вместе!

– Ремонтирует?

– Вчера отогнал в сервис. Обещали за ночь сделать. Если все в порядке, через час отправимся.

Дальше завтракали. Весело и деловито щебетала о засохшей виноградной лозе на балконе, о цветах, которые посадит, если окажется в районе магазина «Семена», о застеклении лоджии. Я слушало, кивало, соглашалось, даже вставило пару вроде бы дельных замечаний, ибо Я живет здесь, в этом теле, в этом времени, и, если бы жило во времена Древнего Рима, Я бы точно так же кивало, соглашаясь с оценкой гладиаторов, хмыкало бы скептически, слушая о непорочности весталок, а если бы в пещерное время, Я бы вместе со всеми сетовало о малорослости мамонтов – ведь надо быть как все...

Но на самом деле Я чувствовало: мое место где-то в высших сферах. Я наверняка передвигаюсь между звездами и вселенными, во времени и разных измерениях, там я неуязвим и бессмертен, но здесь... что я делаю здесь?

Когда нужно было заговорить самому, что-то сказать, нельзя же все время только хмыкать и двигать бровями, я вспомнил и пересказал разговор с соседом. Лена приятно заинтересовалась. Я объяснял, почему коридор нельзя захламлять вещами, заметил, что эта молодая самка, принадлежащая... принадлежавшая моему разумоносителю... и в какой-то странной мере все еще принадлежащая, посматривает как-то странно. И пока завтракали, иногда взглядывала

так, словно что-то хотела сказать, но не решалась или останавливала себя. Уже в конце, когда я сделал кофе, вдруг заметила со смешком:

– Ты здорово все сказал.

– Что? – не понял я. – О фильме?

– Да нет, тогда, соседям! Нашим соседям. Когда ты рассказывал, мне ты показался древним мудрым старцем в теле юного мужа, ну, старцем в том смысле, что много видел и много знаешь. Как будто в тебе живет другой человек... или добавился другой.

Я вспомнил черноту космоса, тело разом охватил жгучий холод. Стиснув зубы, я с трудом отогнал страшное видение, сказал мертвым голосом:

– Если бы только человек.

Она помолчала, голос ее после паузы дрогнул:

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Тот, кто постоянно ясен, – ответил я словами последнего из великих поэтов, – тот, по-моему, просто глуп... Или же притворяется ясным, чтобы пролезть в депутаты. Милая, а обед тоже ты приготовишь?

Она весело и задорно рассмеялась:

– Нет уж, сегодня меня не жди! Да и вообще... Отдохни от меня с недельку.

– Ну ты даешь, – сказал мой разумоноситель. – Ну ты чего?

– Да того, – ответила она так же весело. – Ты давай соби-

райся! Хорошо тебе, можно пешком до работы.

– А могу вообще не ходить, – сообщил я.

– Как это?

– У меня есть комп, – объяснил я. – Работу могу отправлять в контору по Интернету. Как и брать заказы. А появляться только в дни аванса и получки.

– Правда?

– Ну... не совсем, – признался мой разумоносите́ль вынужденно. – Пока надо являться чаще. Руководство живет по старинке! Отчитываться надо, то да се, малость поработать на виду, показаться коллективу...

Она убежала, морщась от чересчур крепкого кофе, хотя как могла разбавляла холодными сливками, а я на алгоритмах сложил чашки в раковину, переоделся, разрешил рукам проделать все те движения, которыми закрывают жилище, вышел в коридор и направился к лифту.

ГЛАВА 7

Над головой негромко прогромыхало. По земле ползла плотная тень, подминала все, как катком. Упали крупные капли. На улице народ, как по команде, закрылся зонтиками. Дюжий мужик поднял над головой газетку и понесся к ближайшему подъезду, словно падали не редкие капли воды, а раскаленные камни Везувия. Переходной мир, мелькнуло у меня в мозгу. Еще не умеют управлять климатом... даже погодой не умеют, что куда проще, но уже не так равнодушны к переменам погоды, как их недавние предки в звериных шкурах. Что-то хлопнуло. Я сперва не понял, что случилось, что за странный звук, затем взгляд зацепился за желтое пятно на асфальте в двух шагах впереди. Только что его не было,

Обостренный слух уловил далеко вверх легкий скрип. Успел увидеть, как на девятом или десятом этаже торопливо захлопнулась форточка. На асфальте теперь стали заметнее белые скорлупки. Желток расползся, начал впитываться в щели. Плотная слизь белка раздвинулась ровным пятном и застыла, медленно впитываясь в пористый асфальт.

Я двинулся деревянными шагами, мои ботинки задели мокрое пятно, я буквально чувствовал, как слизь вцепилась в подошвы. Волосы шевелились от ужаса, в черепе стало горячо от страшной мысли. Мальчишка, оставленный в одиночестве, промахнулся, швыряя яйцами в прохожих! Но мог

попасть по голове. Мог бросить что-то потяжелее. К примеру, кирпич.

Как здесь живут, зная, что каждую минуту с балкона могут швырнуть кирпич или бутылку? Как живут, когда машина сбивает прохожих не только на проезжей части, но и на тротуаре? Как живут, если существует куча болезней, с которыми даже не пытаются бороться в полную силу?

Только бы успеть побыстрее. Только бы успеть выполнить то, для чего меня сюда забросили. Пока не упал кирпич на голову. Не подкосила смертельная болезнь, что за пару дней сводит в могилу. Успеть выполнить задание, миссию или что там мне поручено, и поскорее в свой мир бессмертных, мир настоящих возможностей!

В конторе уже хлопали крышки столов, скрипели стулья. Всхрапывали, просыпаясь, компы, начинали разгораться экраны. Люди замедленно рассаживались, складывали в ящики столов коробочки с бутербродами. По экрану большого компа, на котором сервер, двигалась зеленая точка, указывая, что монитор спит, но сервер трудится круглые сутки, собирает информацию по всему свету, и как только мы проснемся...

По ту сторону стола из-за монитора выглядывал Вавилов, широкий и красномордый. Я никогда не видел его хмурым или недружелюбным, он всегда готов заржать над анекдотом, хлопнуть тебя по спине и позвать хлебнуть пивка.

Он подмигнул:

– Ты сегодня пойдешь к своей... это, как ее? Ну той, что на той неделе завалил?

Я не сразу понял, о чем речь, потом отмахнулся:

– Это она меня завалила. Теперь, сам знаешь, сексуальная свобода.

Он загоготал:

– Так это по нам!

– Что?

– Эта самая свобода!

Веселый, налитый кровью, весь перенасыщенный половыми гормонами, он был из той породы, которые десятка два лет тому свершали сексуальную революцию. Мол, свободу женщинам в их проявлениях, в их желаниях, хотя понятно, кому нужнее эта свобода...

– К черту, – ответил я искренне. – Хватает других дел.

– Других? – удивился он. – Какие могут быть еще дела? Секс – самый мощный стимул. Он правит миром. Все остальное так... проявление этой силы.

– Согласен, – сказал я поспешно. – Но как-то захотелось чего-то еще... Чем хоть занимается наш институт? Сколько лет торчу...

Он снова захохотал, вообще он хохотал охотно, по любому поводу и без повода.

– Со стороны можно подумать, что-то засекреченное или военное! На самом же деле нас не сократили только из-за ле-

ни чиновников там, наверху. Они с бабами по саунам групповухи устраивают, на заседаниях в Думе спят да похмеляются в сортире, так что мы пока живем благодаря недосмотру!

Дверь кабинета шефа хлопнула, Вавилов тут же оборвал смех и согнулся над клавиатурой. Такой предсказуемый, понятный, словно я рассматривал жука или богомола.

Значит, меня сюда забросили вовсе не из-за места работы моего разумоносителя... Хотя это было бы слишком просто. Наверняка что-то важнее... Но что?

Пальцы привычно прыгали по «клаве». На экране в трехмерной проекции изгибался поток раскаленного воздуха. В этом заведении мой разумоноситель вот уже седьмой год рассчитывает выход истечения газов взлетающих ракет. Тяжелых, неповоротливых, то и дело выходящих из-под контроля, а то и вовсе... У меня отдельный диск с записями всех несчастных случаев, когда заканчивалось взрывом.

Может быть, промелькнула суматошная мысль, я вовсе не заброшен в этот нелепый мир, а нахожусь в некоем эксперименте? И все, что вижу, – это лишь плод работы моего мозга. Пока смотрю, вижу, оно существует. Как только отвернусь или закрою глаза – исчезает. Все исчезает: и люди, и дома, и деревья. Весь мир исчезает. Существую только я. Даже я на самом деле не такой, каким вижу себя. Да-да, мои руки, ноги, мое тело – тоже моя выдумка.

Вавилов наклонил голову, поблескивала лысина, которую

он называл всего лишь широким пробором. Я видел, как двигаются кисти его рук, но его комп повернут ко мне задницей, облучая или не облучая. Над чем он трудится – не спрашивал, скорее всего над витком раскаленного газа, что выходит из другой дюзы.

Я спросил его неожиданно:

– Слушай, Николай, а ты существуешь?

Вавилов хмыкнул, постучал по «клаве», вскинул голову. Брови его поползли вверх. К моему удивлению, он вроде бы чуть призадумался.

– Я?.. Знать бы! Раньше я говорил, что не живу, а только существую, а теперь и в этом сомневаюсь. То ли это я, то ли чей-то хреновый сон или же набор электромагнитных колебаний. Слишком все как-то не так...

Я спросил напряженно:

– А как так?

Он обозлился.

– Если бы я знал! А так только чувствую, как собака, а сказать не могу.

Я проговорил осторожно:

– Чувствовать мало, надо сформулировать. Только тогда можно понять.

– Зачем?

Я развел руками:

– Ну, чтобы как-то... Разве тебя это устраивает? Не хочется что-то делать?

Он поперхнулся готовым ответом, ощутил, что я спрашиваю нечто другое, затем нехотя пожал плечами.

– А что делать? Все так живут.

Все, подумал я со страхом. Они все даже не пытаются, потому что в стаде. Агнцы Божьи. А придуманного ими Бога называют пастырем, чтобы тот их пас и перегонял с одной лужайки на другую. А сами – ни-че-го... Может быть, я здесь потому?

Программа выдала на экран модель атома. Того самого, из которых вся Вселенная, мировое пространство, галактики, звезды, планеты, воздух, люди, звери, рыбы, черви...

По телу пробежала дрожь. Черт, мой разумоноситель со школьной скамьи знает, что он из атомов, каждая из этих частиц висит в пустоте на огромном удалении одна от другой. И что он, человек, состоит на 99,9 процента из пустоты, абсолютной пустоты, где в определенном порядке носятся атомы! Из таких же атомов здешнее Солнце, только те атомы, из которых эта звезда, трясутся в другом порядке.

Я чувствовал, как спина взмокла. На лбу выступили капельки пота. Только бы не думать о таком страшном мире, в котором я оказался. Я – всего лишь сочетание атомов! Уже достаточно сложное, чтобы в нем на какое-то время поселился Я, неизвестный пока что даже самому себе, но призванный для свершения каких-то важных дел! Донесся гнусавый голос пана Володарского, так звали Корнийчука за его прононс:

– Это еще как сказать!.. Президент такой указ не подпишет, вот увидите!

– Подпишет, – возражал ему другой голос. – Он все подписывает, что этой кукле еще остается...

– Он не кукла! Он сохранил в себе волю и силы... Вон у Королева спросите. Королев, как считаешь: подпишет президент указ о мобилизации?

Я вздрогнул, догадываясь, что обращаются ко мне, ведь это я – Егор Королев, самец, двадцать девять лет, младший научный сотрудник, работаю в этом загадочном заведении.

– Президент? – переспросил я торопливо. – Какой президент?

Из-за столов подняли головы даже те, кто не принимал участия в споре. То ли я был известен как заядлый спорщик, что в каждую бочку, то ли голос мой прозвучал не совсем так, как раньше звучал у моего разумоносителя.

Вавилов переспросил саркастически:

– Какой президент?.. В самом деле, какой у нас президент? Кто правит страной? Стоит ли помнить такой пустячок?

Засмеялись все, даже за дальним столом Маринка улыбнулась, на розовых щеках заиграли милые ямочки. Корнийчук заржал так, что рядом отодвинулись бы кони, чтобы не подумали на них.

– Королев прав, – заявил он неожиданно. – Что есть президент, как не кукла, которой двигают умелые руки? Вот

только какие группы им двигают, это вопрос. Я все же считаю, что военно-промышленный комплекс.

– Какой ВПК, – отмахнулся Вавилов, – мафия! Мы сами из ВПК, разве мы чувствуем, что наши боссы чем-то двигают? Все захватила мафия!

– Банки, – возразила Маринка. – Теперь всем правят банки. Или транс... трансвеститы... транснационалистические, фу, слово-то какое длинное!.. компании. Они и есть правительство. Настоящее, мировое!

Из другого конца комнаты откликнулся бодро Розенкренц:

– Мировое? Тогда это мы, проклятые сионисты!

Только я молчал, позволяя топтать меня ногами, вытирать подошвы и вообще по-всякому показывать свою эрудицию и умение разбираться в сложнейших государственных проблемах. И даже мировых.

Вавилов острил, но, на мой нынешний взгляд, в его словах как раз не было ни сарказма, ни даже шутки. В самом деле, какая разница, какой президент правит на этом крохотном глиняном шарике, что несется через Вселенную? Стоит ли запоминать такой пустячок, если люди не могут запомнить более важные вещи? Я не стал бы запоминать даже имя властелина галактики. Это тоже так мало и мелко!

До обеда я успел дважды сбегать вниз в буфет, осушил две чашки крепчайшего кофе. Черт с ним, что укорачивает

жизнь. Часики уже тикают, а чутье подсказывает, что мне здесь уже недолго осталось. Совсем недолго.

Но чутье подсказывает только мне, живущему внутри этого разумоносителя, а вот он сам воспринимает этот мир как правильный и естественный. Если и ворчит, то на цены, налоги, дураков депутатов. Для него естественно то, что дико для меня: на косметику в этом мире тратится в восемьсот раз больше средств, чем на космос, а если бы деньги, истраченные на безуспешные поиски эликсира от облысения, пустить в науку, то за два-три года нашли бы средство и от рака, и от СПИДа, и от всех сердечно-сосудистых, именуемых чумой их века.

Научно-исследовательские лаборатории, получив колоссальные средства, разрабатывают новые покрои одежды, шляп, обуви. Там работают лучшие умы, ибо если будут создавать особые ткани скафандров для высадки на Марс, то получать денег будут меньше, славы меньше, толпы восторженных дур не побегут следом, а вот если придумают модель нового бюстгальтера... Хотя, по разумению более высокому, все должно быть наоборот. Увы, неча мне лезть в этот средневековый монастырь конца XX века со своим уставом XXX, а то и намного более высокого, намного...

Эти люди даже не знают, что они – смертны. Нет, теоретически знают, но это сказано где-то вскользь, а масса церквей, сект и учений все века твердит о жизни после смерти. Здешний человек твердо уверен, что его жизнь никогда не

оборвется. Это видно хотя бы по тому, как живет мой разумоноситель... То тело, в котором я сейчас нахожусь.

Да, сказал я себе напряженно, они просто живут. Как живут все растения, животные, рыбы, насекомые. Только у этих существ, они называются людьми, инстинкты усложнились настолько, что выделился особый вид инстинкта, называемый ими разумом. Этот разум помогает лучше удовлетворять все инстинкты этого существа: размножение, поиски еды, захваты территории.

Что это не настоящий разум, а лишь инстинкт, говорит то, что они даже не задумываются, что все они – смертны. И не просто смертны! А настолько смертны, что никто из них не в состоянии прожить даже один галактический день, то есть полный поворот галактики вокруг своей оси, что вертится так же бешено, как крутится их крохотная планета. Если мне не изменяет память, то один оборот эта небольшая галактика делает всего за триста двадцать миллионов лет.

Нет, этот мир нелепей нелепого. Возможно, для того меня сюда и забросили, чтобы я смог разобраться. Или вмешаться? Только что весь мир облетела скорбная весть: на пороге своего роскошного особняка застрелен знаменитый дизайнер такой-то. Весь мир скорбит, весь мир негодует...

Наверное, я бы тоже негодовал, будь я просто этим существом. Но теперь у меня волосы встают дыбом от этого нелепого вывиха, по которому пошла здешняя цивилизация. Ведь дизайнер одежды – это всего лишь человек, который

придумает новые способы украшения здешних самок чуть иначе, чем были украшены ранее. Но мир совершенно не знает настоящих творцов их же собственной цивилизации! Никто не знает, кто создал их телевизоры, холодильники, компьютеры... И уж конечно, те настоящие гении не имели и сотой доли тех богатств, влияния и могущества, как эти по сути своей ничтожные, но довольно ловкие люди.

– А я поеду на Кипр, – донесся бодрый голос Вавилова. – Надо мир посмотреть, надо!

– Да, теперь выпускают, – сказал кто-то.

– Были бы баксы...

– Да, без «зеленых» теперь никуда.

– А нам чем платят?

Я поднял от «клавы» голову. Возле стола Маринки, самой хорошенькой в отделе, стояли в картинных позах Вавилов и Киреев, красовались, надували щеки, распускали павлиньи хвосты. Маринка мило улыбается, всем давно знает цену, но об ее оценках лучше не спрашивать, зато улыбается одинаково мило всем, начиная от директора до уборщика мусора.

– Я и раньше ездил, – проронил Вавилов многозначительно.

Киреев и Маринка переглянулись, в глазах смех. После резкой смены курса в стране бывшие залегли на дно, опасаясь репрессий, теперь же подняли головы, расправили плечи, начали намекать на свои высокие посты при разгромленной власти.

– Но столько формальностей было! – возразил Киреев. – И ездить не в радость. Зато теперь!

– А теперь лучше? – спросила Маринка.

– Еще бы!

– А деньги? Это дорого!

– Ну, разве что деньги... А так, хоть Арабские Эмираты, хоть острова, хоть в сам Израиль, про который раньше и подумать было нельзя.

Все еще дикари, сказал я себе с горечью. Их психика не успевает за прогрессом. Тысячи поколений этих существ, для того лишь чтобы повидать дальние участки планеты, перемещали через пространство свои материальные тела. Недавно возникло кино, телевидение, Интернет, но люди все еще дикарски перемещают свои организмы на тысячи верст. Успевают увидеть плохо и ничтожно мало, но делают так только потому, что так делали раньше, так считается верным. Хотя сейчас с личного монитора можно в течение часа побывать в пустыне Сахаре, во льдах Антарктиды, заглянуть в залы Эрмитажа, Лувра и казино Лас-Вегаса, а в перерывах понаблюдать за кладкой яиц стерхов.

Вавилов качнулся в сторону, высматривая меня, спросил громко:

– Егор, а ты куда поедешь?

– Я? – переспросил я. Мелькнула мысль, что сам не знаю, куда поеду, когда закончу здесь. – Еще не решил.

Киреев между тем склонился к Маринке, что-то нашепты-

вал на розовое ушко. Она двусмысленно улыбалась. Вавилов посмотрел на них, вернулся к своему безобразному ящику. Послышалась дробь клавиш, затем его широкое дружелюбное лицо выдвинулось, словно выманивая на выстрел:

– Ого! Что ж так?

– А что не так? – поинтересовался я в свою очередь.

– Нормальные люди, – сказал он наставительно, – полгода готовятся к отпуску, складывают копеечку к копеечке, читают проспекты турфирм, рассказывают, куда поедут, спрашивают, куда поехать интереснее, а потом, после поездки, полгода рассказывают, куда съездили! И снова копят копеечки.

– Я не совсем нормальный, – ответил я искренне.

– Это я заметил, – сообщил он заговорщицки.

ГЛАВА 8

По коже словно сыпанули свежим колючим снегом. Я на-
прягся, сказал сразу осипшим перехваченным голосом:

– Д-да?

Надеялся, что Вавилов просто отшутится, заржет и бряк-
нет что-нибудь про баб, но его взгляд на миг ушел на неви-
димую для меня «клаву», там сухо постучало, затем он под-
нял голову, в глазах было некоторое недоумение:

– С тобой что-то происходит.

– Что? – спросил я.

Он хмыкнул:

– Мне-то откуда знать? Это тебе ведомо. Так поедешь или
не поедешь? А то, если наберем группу в восемь человек,
причитается скидка.

– Надо осмотреться, – ответил я с неловкостью. – Понять,
что от меня требуется.

Он удивился:

– Да что там понимать? Я тебе скажу!

– Спасибо, – ответил я искренне, – но любая поездка –
дело все-таки важное. Мне надо подумать.

Он развел руками, явно сдаваясь:

– Ну думай, думай. Надеюсь, до понедельника решишь?

Я улыбнулся, показывая, что постараюсь, хотя в глубине
души становилось все тяжелее: знал бы он, кто я на самом

деле! Знал бы, что я пытаюсь решить.

Внезапно вспомнил взгляд этого жизнерадостного толстяка, на какой-то неуловимый миг ставший непривычно острым и пронизывающим. Почему он сказал: до понедельника?

И почему так кольнуло? Даже не в мозг, не в сердце, а во что-то еще, неведомое и очень большое.

Работал за меня разумоноситель, я только наблюдал, всматривался в свое нынешнее тело, в окружающих, иногда уходил вглубь так далеко, что волосы начинали подниматься на затылке: не прост этот разумоноситель, не прост. В нем столько намешано, накручено, столько в него напихано, а пользуется едва ли тысячной частицей.

Снова вздрогнул, уже от громового голоса Вавилова. Стоя, он провозглашал как систему самые что ни на есть истинные ценности:

– В лес! На природу! Подальше от этого смога, ядовитых испарений!.. Встанем рано утром, за грибами сходим. Поверите ли, в прошлую субботу я вот такую корзину набрал! Из них только парочка червивые. Да и то не насквозь, а так... Обрезал по краям, а там внутри как орех, чеес слово!

Киреев выглянул из-за компа, голос его прозвучал мечтательно:

– А рыбалка с утра?.. Еще туман на реке, а ты уже с удочкой, пока рыба сонная, глупая. За ночь проголодалась, клю-

ет на все что ни попадя. К обеду уже наловишь так это на полную сковородку. А на обратном пути, когда через лесок, можно и землянику поискать. Я знаю одну поляну, где ею усыпано от края и до края.

Скептически слушал только Терпигоров. Его знали как заядлого охотника. Он когда-то и меня уговаривал пойти на уток, но когда я представил, как нас, охотников, наберется три дюжины человек, как среди ночи увезут черт знает куда, там будем ждать среди болота прилета этих несчастных пернатых, потом начнется дикая и беспорядочная пальба, а утки будут падать в холодную воду, не всякая собака вытащит из тех зарослей камыша.

Я вздрогнул, в ушах прорезался энергичный голос Вавилова:

– Ну так как?

– Что? – переспросил я непонимающе.

– Ты ж уже почти согласился! – завопил Вавилов обвиняюще. – Я тебе гарантирую, что к обеду грибков корзину собираем! А Кирюха вон обещает ведерко ершиков! Ну?

– Да знаю, какую ведерку отнимешь у внучки, – ответил я с улыбкой, стараясь перевести в шутку. – Слишком уж колючие твои ершики. Мяса не видать, зато костей!

Вавилов всплеснул руками:

– Люди, плюйте на него! Еще и перебирает. Это же на халаву, чудило. Дареному ершу в пасть не смотрят, косточки не считают.

Они смеялись, говорили, правильные и одинаковые, а я снова подумал, что мир здешних существ изменился чересчур быстро. Они к этому еще не успели привыкнуть. Латать одежду уже перестали, но вечный голод, что терзал всех от мала до велика на протяжении многих тысяч лет, оставил след. Эти люди еще сто лет тому, ничтожный срок, так мало получали еды за свою работу, что собирать грибы или ягоды было весомым подспорьем. Лес кормил не только грибами. В нем ставили капканы и петли на зверушек, в лесу драли лыко – это такая внутренняя часть коры, из нее плели обувь под названием лапти, делали веревки, в лесу подбирали сухие ветки и топили ими печи, из свежесрубленных плели изгороди и заборы, в реках и озерах ловили рыбу, раков.

Не понимают, мелькнуло в голове, что уже вышли из мира постоянного голода. Психика не успевает за техническим прогрессом.

Но опять же это их проблемы. А какое дело до них Мне? Этому, Настоящему?

В правом нижнем углу монитора часы как застыли, только секунды сменяются в замедленном темпе. Надо будет выставить и сотые, чтобы видеть течение времени, а то рабочий день сегодня, как никогда, долгий...

Женщины собрались еще за час, накрашенные заново, собранные, подтянутые. Как только стрелки показали шесть часов, все дружно двинулись к выходу. Я ткнул курсором

в «Конец работы», дальше программа сама закрывает все окна, сохранит, перепишет, освежит архивы, сократит, переместит, перепроверит, а потом сама умело обесточит всю аппаратуру.

Странноватая смесь. Когда на эту аппаратуру институт скреб деньги по всем сусекам, проректор ходил в министерство, валялся у всех в ногах, целовал главного в зад, его же не чистил туфли. Но никого не удивляет, что наши институтские женщины на свою жуткую косметику и уродливые тряпки тратят денег в пять раз больше, чем стоят все компьютеры в институте!

Надо бы... надо бы... постой, о чем я сейчас думал?... Опять потерял мысль, а мелькало что-то важное...

Выбравшись из проходной, мой разумоноситель в нерешительности потоптался на развилке. Мясомолочный справа, булочная слева. Если домой, то в мясомолочный – и делу конец. Там для брюха есть все, а если не домой, то через гастроном. Куда без бутылки? Будто голый... Когда идешь в кино, на каток или в театр, по-разному и одеваешься, так и тут: к этой с коньячком, к той с водочкой, а к третьей и дешевым портвейном обойдешься...

Ангел, что сидит на правом плече, мягко нашептывал одно, черт с левого – другое. И домой бы, где спокойно и тихо, где врубишь телевизор, а если хреновая программа, то есть еще видак, комп – можно погонять орков вволю. И дела никому нет, что сопишь, неэстетично чешешься, перекосив

рожу, ковыряешься в носу... с другой стороны – все же к общению тянет.

Когда пообщаешься, то порой отплеываешься и клянешься завязать, но через три-четыре дня к общению не просто готов, а рвешься.

Черт оказался активнее. Мой разумоносите́ль даже не слышал, что там вякали в правое ухо, а в левое услужливо подсказывали, что не общался уже пять дней, Лена не в счет, и он вздохнул с покорностью судьбе, а рука уже выудила записную книжку, и он вдвинулся в телефонную будку:

– Алло, Людмила?

В трубке прозвучало осторожное «да». Нейтральное даже, ровное, и я поспешил назваться. Ей, конечно же, звонят, но тоже не так часто, чтобы научилась отличать по голосам.

– А, – ответила она, – здравствуй. – Ее голос чуть потеплел, но не настолько, чтобы я насторожился. Когда женщина проявляет повышенное внимание, лучше обойти стороной. Людмила же интонацией лишь показала, что узнала.

– Как ты там?

– Нормально, – ответила она все так же нейтрально.

– Это хорошо, – сказал я неуклюже. – В нашем ненормальном мире... э... любое нормальное скоро станет ненормальным. Ты чем занимаешься сегодня вечером?

– Да так, – ответила она все тем же голосом, – сейчас только пришла. Включу телевизор, начну готовить ужин. Дел много, занята.

– Понятненько, – ответил я. Нужно было повесить трубку, но уж очень она жила близко, и я сделал попытку: – Может быть, заскочу к тебе на часок?

В трубке прозвучало ровное:

– Нет-нет, сегодня не могу.

– Гм... Занята?

– Ну как тебе сказать...

– Ладно, – сказал я с сожалением. – Как-нибудь в другой раз, ладно?

– Ты очень понятливый, – донесся голос.

Я пролистал книжечку. Вера, Изольда, Валентина... А вот какая-то Лариса... Ага, это осенью, когда попал под дождь. Впереди шла женщина с зонтиком, я пристроился к ней, так и добежали до остановки автобуса. В салоне взял у нее телефончик, а на следующей выскочил, ей же было ехать куда-то на кулички...

В раздумье я изучал номер. Звякнуть, что ли? Даже лица сейчас не вспомню, торопился. Хотя какая разница?

А пальцы уже крутили диск. На том конце трубку взяли после второго гудка, прозвучало осторожное «да». Я сказал:

– Алло, Лариса?.. Это Королев. Помните, мы как-то вместе добежали под вашим зонтом до автобуса? Дождь лил – ужас!.. Кажется, последний дождь, на другой день повалил снег... Вы в автобусе дали телефон, а на следующей остановке я вышел.

В трубке после паузы прозвучало:

– А... Помню. Вы такой высокий, черноволосый.

– Он самый, – обрадовался я. – Как вы там?

– Нормально, – ответила она нейтральным голосом.

– Это хорошо. В нашем ненормальном мире... Ты чем занимаешься сегодня вечером?

– Пришла со службы, буду готовить ужин. Включу телевизор.

– А что идет? – спросил я, стараясь, чтобы не выглядело, что напрашиваюсь в гости.

– Какой-то фильм, – ответила она, тоже тщательно выравнивая интонацию, чтобы я, не дай бог, не подумал, что она приглашает настойчиво, даже зовет, мужчины этого не любят и боятся. – Приключенческий... Потом звезды эстрады.

– Это уже ничего, – одобрил я. – Я бы на часок заскочил к тебе на чашку чаю. Как ты?

– Заходи, – ответил в трубке ровный голос. – Откуда звонишь?

– С Киевского, – соврал я.

– Как раз мясо пожарю. Запиши, как доехать...

Я был не на Киевском, но нужно заскочить в гастроном, а ближайшие закрылись, придется пройти пешком почти две остановки.

Я шел к ее дому напрямик, запоминая дорогу обратно к метро. Ночью все выглядит иначе, легко запутаться, а в позднее время спросить не у кого, если же опоздаешь на пересад-

ку, то лови такси, а это полста рублей тью-тью.

Лариса открыла дверь, улыбнулась, пропуская в прихожую. Я с неловкостью втиснулся, я всегда почему-то в прихожей смущаюсь. Лариса тут же ускользнула на кухню, там шипело и булькало, оставив раздеваться и переобуваться в домашние тапочки.

Живет одна, но плюнуть в лицо тому, кто скажет, что это квартира женщины, которая живет одна. Одинокая, но не одна. В ванной в глаза сразу бросился изящный бритвенный прибор, блеснули лезвия «Жиллетт», а в стаканчике – две зубные щетки. Это не значит, что живет кто-то из мужиков, дураку ответит с усмешкой, что в подмышках бреет, а умный и не спросит – понятно, это и есть уют. Если кто подзадержится, то утром можно сразу на службу... Может, это и бывает последней каплей, когда колеблешься: пересилить себя и встать из теплой постели, а потом – в холод и ночь, или остаться до утра.

– Я шампанское сразу в морозилку, – предупредил я. – Пусть хоть чуть остынет.

– Да-да, – согласилась она. – Тут есть место...

В уголке морозильной камеры только кусок подернутого инеем мяса. Я положил бутылку набок, захлопнул, нога моя зацепила табуретку, а задница осторожно опустилась на сиденье.

Она суежилась возле плиты, на сковородке вкусно шипело, я с неловкостью подгрребал ноги, когда она осторожно распа-

хивала холодильник, – кухня маловата.

На плите булькало, кастрюльки гремели, а я украдкой рассматривал ее со спины. Рослая, сложена неплохо. Видно, замужем была недолго, если была. У плиты старается, но ощущение такое, что чаще питается всухомятку. Для гостя на стол летит дефицит – тут мы еще не европейцы, – к тому же знала, что приду, а мясной магазин – вон через улицу. Мол, мужик без мяса – не мужик, а голодная обозленная тварь.

– Проголодался? – спросила она, не оборачиваясь.

– Да нет, ничего.

– Еще минут пять! Мясо почти готово.

Рядом со сковородкой разогревается нечто в мелкой кастрюльке, подпрыгивает крышка, и по всей кухне расходится аромат гречневой каши.

Я вспомнил, что пора сказать что-нибудь приятное, и заметил, что у нее очень уютно – хрен там уютно! – но она расцвела, стала рассказывать, как подбирала обои, искала им в тон шторы, а я рассеяннo кивал, украдкой посматривая на часы: пятнадцать минут до метро, полчаса до пересадки: перекрывают в час, так что отчаливать нужно не позже половины первого...

Взгляд рассеяннo скользил по верхушке кухонного шкафчика, где выстроились два ряда фирменных бутылок. «Бехер», естественно, коньяк «Наполеон», глиняные бутылочки «Рижского бальзама», деревянные сувенирные с Кавказа – вино в них плевое, но из-за бутылок берут. Штук восемь ма-

ячит во втором ряду. Видок таков, словно один приемщик пустой тары поставляет эти декоративно-нищенские выставки на весь город. В детстве бабушка рассказывала про соседа, что по бедности ел картошку в кожуре, а потом на крыльечке, чтоб на виду народа, ковырялся в зубах: мол, ел мяса вволю.

– Готово, – сказала она.

Я опять с неловкостью смотрел, как она выкладывает на множество тарелочек ломтики селедки, масло, специи, зелень... Жалованье у нее, судя по всему, не очень, как бы не остаться должным. Как и почти любой мужик, мой разумоносите́ль больше всего на свете боится остаться в долгу. Пока хорошо, то никто никому, а как на разрыв, то такое при-собачат! Не только кормили-поили, но одевали и на бутылку в карман совали.

– Вкусно? – спросила она.

– Спасибо, хорошо.

– Положить еще?

– Нет-нет, спасибо.

Я вытащил шампанское, открыл, пенистая струя хлынула в фужеры. Наливал осторожно, по стенке, чтобы за пару раз оприходовать всю бутылку, так быстрее переходишь к телу.

– За жизнь!

– За жизнь, – ответила она с улыбкой. Мясо оказалось жестковатым. Она сама жевала-жевала, потом украдкой выплюнула. Ясно, на бутербродах и концентратах. Приятно,

для меня старается, однако же – обязывает... Когда слишком хорошо – тоже нехорошо.

Потом она сварила кофе. Черный, крепкий. Я сам предпочитал его чаю и теперь не спеша тянул горячую темную жидкость. Мороженое осталось в холодильнике, гастрономический разврат – превращать такой замечательный кофе в кофе-глясе, это уж как-нибудь в другой раз.

Я скосил глаза. Заметила ли, что я неосторожно намекнул, если, мол, будет неплохо, то можно и дальше. Правда, намекнул так, что в любой момент легко отпереться, мало ли что брякнул.

– Спасибо, – сказал я, отодвигая чашку. – Прекрасный кофе. Хорошо готовишь.

– Рада, что понравилось, – ответила она с готовностью. – Иди в комнату, я быстренько помою посуду. Боюсь, как бы тараканы не завелись.

Я шагнул в комнату. Знакомый диван, телевизор в углу, цветной календарь на стене, стандартная мебельная стенка, где за стеклами немного посуды, немного книг, немного безделушек.

Вытащил альбом с репродукциями Чюрлёниса, бегло просмотрел знакомые иллюстрации, давая время убрать посуду, потом вдвинул на место, потянулся за ксерокопией Булгакова, но пальцы царапнули что-то глянцевое, в супере, непривычное, и я впервые удивился, ощутил даже некоторое неудобство, ибо в трех предыдущих квартирах, даже в четы-

рех, возле Чюрлениса непременно стоял Булгаков, а не Хейли, которому место на три пальца левее, а дальше должно быть на толщину ладони тоненьких книжечек молодых поэтов... Так и есть, но обязательные книжки о животных стоят не в том порядке...

Надо пореже звать ее по имени, сказал я себе. Хорошо было бы три Любы подряд. Однолюбом бы был. А тут, так сказать, во избежание легче что-нибудь годное на каждый случай: лапушка, кошечка, ласточка, птенчик... Гм, для птенчика крупновата. Еще обидится! Но не коровой же звать... Или китом. Ну-ка, ну-ка... В одном из предыдущих вариантов называл одну такую же, только попышнее, облачком. Сойдет.

Когда впервые пришел вот так к женщине, я не помнил, то было десятков килограммов назад, но до того часа так и жил в том же дне, бесконечном, раздробленном на двадцатичетырехчасовые интервалы, а следующего дня так и не наступило, когда бы сделал следующий шаг, неважно какой, но чтобы настал другой день.

– Ну вот и все, – сказала она, входя в комнату. – Тараканов можно не бояться. Включить телевизор?

– Давай, – согласился я.

Она мазнула по сенсорному переключателю, села рядом. По экрану величаво задвигались оперные певцы, аккомпаниатор за роялем исправно барабанил по клавишам. Умница, передачу выбрала правильно, а то если бы футбол или

детективчик, то все время бы невольно косился в телевизор, отвечал бы невпопад и вообще даже внизу был бы на нуле.

Вдруг громко и неуместно зазвонил телефон. Оба вздрогнули. Я физически ощутил, как ей не хочется снимать трубку, – телефон рядом с моим локтем, – уже приподнялся, чтобы выйти в туалет и дать ей возможность поговорить, но она дотянулась и сняла трубку:

– Алло?

В трубке послышался мужской голос. Я не слышал слов, но она нахмурилась, наконец сказала нейтральным голосом:

– Нет-нет, сегодня не могу... Ну, как тебе сказать... Ты очень понятливый...

Она положила трубку. Я кивнул на экран, спросил:

– Передача из Большого?

– Похоже.

Она взглянула мне в глаза, и разговор завязался:

– У тебя хороший альбом Чюрлениса. Помню, в Домском соборе...

– Кикашвили...

– Алла Сычева потолстела...

– Архитектура Кижей...

Мы шли по проторенной дороге, заасфальтированной, оснащенной указателями с именами звезд, поворотными знаками. Уже показалась расстеленная постель, но путь к ней шел еще через трехминутный разговор о музыке, без нее нельзя, нужно упомянуть о выставке молодых художников:

«талантливые, но зажимают ребят», вскользь коснуться гастролей Мирей Матье... Успеваю! К метро можно выйти для гарантии на четверть часа раньше.

– Конечно, зажимают их, – согласился я, – молодые, творят нестандартно...

– И Мирей Матье...

Я притянул ее к себе. Раньше тайком загибал пальцы: о поэзии, о музыке, не забыть о выставке картин, теперь о театрах, вскользь о консерватории – здесь дуб дубом, но нельзя не упомянуть вовсе, – еще о турпоездке, а там уже два последних этапа, где отдыхал и куда поеду в следующий отпуск...

Раньше я менял тему, потом отстоялось «вечное», и уже только подставлял имена новых звезд, названия новых книг, и дуэты с женщинами стали слаженными, словно обе стороны тайком друг от друга разучивали партии на два голоса.

Я стал ее обнимать, и в какой-то момент она шепнула, пряча лицо:

– Выключи свет.

ГЛАВА 9

Все-таки есть своя прелесть в общении с этими, нераскрепощенными. Их осталось мало, но все-таки откуда-то берутся. Им и свет выключи, и не пытается руководить, сама подстраивается молча и стеснительно, языком не молотит, что мне мешает всегда, а сказать неловко.

И все-таки времени улетело больше, чем рассчитывал. Я внезапно увидел под собой голую женщину, увидел себя, вспотевшее и еще разгоряченное животное, увидел всю эту чужую комнату, и внезапный стыд как кувалдой ударил по голове.

Я пошатнулся, отвалился на бок. Дыхание все еще тяжело вырывалось из груди, внутри свистело, но мозг начал работать лихорадочно, вздохнул, словно все это время его держали за горло, а теперь властные пальцы разжались, и он что-то кричал, верещал, торопил, предостерегал...

Она ласково положила ладонь мне на грудь:

– Тебе было хорошо со мной?

Я едва не закричал от ужаса и омерзения, но вопрос привычный, я уже слышал его сотни раз, и разумоноситель ответил за меня так, как отвечал всегда:

– О да! Было так здорово.

– Мне тоже, – прошептала она.

Я лихорадочно размышлял, как мне здесь исчезнуть, а

возникнуть пусть тоже в чужой, но привычной для разумоносителя квартире. Но пока я в этом теле, пока я в этой эпохе, я обречен подчиняться законам этого дикого мира. А это значит, что до метро придется рысцой, а там поезд может не сразу, ночью интервалы размером со щели между галактиками.

– Чаю не хочешь? – предложила она робко. В ее голосе впервые прозвучало что-то от человеческой интонации, робость, что ли, меня передернуло. В полутьме ее тело странно белело, призрачное и нереальное, пресное, как рыба в тумане.

– Надо бежать, – ответил я.

На ее милом лице отразилась легкая грусть, всего лишь тень грусти. Я понял, что ответил верно, когда она обронила обычное дежурное:

– До метро всего пять минут...

Я вскочил, торопливо оделся, стесняясь наготы этого похотливого самца, в тело которого всажен. Она перевалилась на бок, наблюдала за мной с насмешливым сожалением. Я сказал, прыгая на одной ноге, – никак не мог от спешки попасть ногой в другую штанину:

– Автобусы наверняка уже не ходят!

– Успеешь...

Я подумал, что она не прочь, чтобы не успел. Впрочем, кто их знает, сейчас даже старомодные всюю отстаивают независимость. Уже разобрались в разных своих преимуществах,

да и побаиваются, что на шею сядет пьяный чмурик, за которым надо ходить, убирать, стирать за ним вонючие носки.

Я быстро натянул кроссовки, чмокнул в щеку. Она смотрела вопрошающе, но молчала. У нее, естественно, на языке вертится только один вопрос, но именно он раздражает мужчин больше всего, и она только смотрела большими печальными очами.

Я отвел защелку замка.

— Ну, пока. Я позвоню.

— Звони.

Я кубарем скатился с лестницы. Асфальт громко шелестел под подошвами, холодный воздух врывается в легкие, вычищал внутренности, крохотными фонтанчиками вырывался из каждой поры на коже, вымывая человеческое тепло. Стало холодно, я все ускорял шаг, наконец вдали замаячила ярко-красная «М».

Влетел в метро, простучал подошвами по эскалатору. На встречу попался неопрятный мужик, отшагнул в сторону, но и я шагнул туда же. Так дергались некоторое время, тупо копируя друг друга, потом мужик выругался, пошел корпусом и отпихнул меня.

На перроне я чуть не задремал, потом пришла воздушная волна из туннеля. Металлическое чудовище с яркими фарами пронеслось, притормаживая, распахнулись двери. Я шагнул... в переполненный вагон, упершись в спины мужчин. Инстинктивно напрягся, ибо воздух в вагоне пропитывала

враждебность.

Не пацаны, что проводили девчонок до подъезда и спешат домой, – возвращаются зрелые мужики, знающие в жизни многое, обжегшиеся на многом, потому и возвращающиеся, не оставшиеся, и к себе ни-ни, а то не расхлебашься, законы теперь привезденные, только и знают, что жизнь портить...

Пахнет водкой, конским потом, несвежими постелями. Многие бесстыдно спят. Кто повалился соседу на плечо, кто откинулся на спинку сиденья и расслабленно открыл пасть, храпит, показывая не только выщербленные зубы, но и гортань с бледным гнойным налетом...

Вдруг один из спящих всхрапнул, открыл глаза, мгновение дико смотрел через раскрытую дверь, а когда механический голос назвал станцию, этого дурака словно катапультой выбросило вместе с «дипломатом» через уже охлопывающиеся створки.

Вагон заполнили существа, мозг которых слишком устал, чтобы даже спрашивать: оно тебе надо? – и существа держатся на простейших рефлексах выживания: доползти до норы, а там гори все пропадом, больше через весь город не поеду, на что оно мне, да чтоб я из-за бабы...

Внутренним взором я отчетливо видел все множество этих вагонов, все поезда как на этой линии, так и на встречной, на Кольцевой и на всех радиальных. Огромное, несметное количество поездов – и все заполнены этими существами! Этими же самцами заполнены в этот миг все автобусы,

троллейбусы, трамваи...

По коже пробежали мурашки. Всюду по городу в этот момент идет один-единственный зверь. Этот зверь – я, Егор Королев!

Это я сижу напротив, бессильно развалившись, словно тряпичная кукла, и сплю, прижимая к животу портфель, рожа перекосилась, изо рта выползают слюни... И рядом тоже я – длинный и худой, как стремянка, бледный от недосыпания, даже россыпь угрей поблекла. И вон тот, что сплошное тесто в дешевом костюмчике... И этот очкарик, который в шляпе, и бородач, и носатый, и тот бандера, и хиппак, и молотобоец, и профессурообразный...

Некоторые еще только вышли от своих ларис, торопливо и расслабленно спускаются по лестницам, вяло шурупаят: сегодня что-то устал, не раскошелиться ли на мотор... да ладно, до пересадки успеваю, другие уже плетутся по своим улицам, входят в подъезды, достают ключи, с облегчением вваливаются в свои квартиры.

Основной инстинкт разумоносителя настолько силен, что подавляет любую разумную мысль, загоняет мое «Я», Меня, в неведомые глубины этого механизма. Вернее, подчиняет настолько, что разум сам суетливо бежит впереди простейшего из инстинктов, прометает дорожку, служит, а свободу получает не раньше чем инстинкт нажрется своего.

Я закрыл глаза, застонал от жгучего стыда. Черт, до чего

же я грязное животное! Ну ладно мой разумоносите́ль, но я, Высшее Существо, пришелец из какого-то мира, более высокого, не сумел совладать, победить, перебороть...

– Черт, – сказал я вслух, прислушиваясь к своему дрожащему голосу, – в следующий раз, если уж так припрет... если гормоны ударят в голову... то зайду в ванную и, так сказать, решу проблему вручную. Инстинкт умолкнет, он же дурак, обмануть легко, а я получу свободу.

Свобода, повторил себе настойчиво, – это ясность мыслей. Ясность! Потому что я – мысль. Я – то, что живет в этом теле. А втиснули в тело самого-самого массового не для того, чтобы пошел на поводу инстинктов этого зверя, а чтобы не выделялся. Чтобы не отыскиали те, кто охотится.

– Не сразу отыскиали, – повторил я вслух шепотом. Почему-то не оставляло ощущение, что рано или поздно отыщут. – И чтобы я успел. Черт, что я должен успеть?

Раздеваясь, на ходу мазнул пальцем по кнопкам ДУ. Телевизор легонько щелкнул, в тишину ворвался бодрый энергичный голос, объясняющий, как лечиться от самого страшного заболевания – перхоти, а когда загорелся экран, там уже чуть ли не под марш показывали, как ополаскивать волосы, иначе те останутся тусклыми и без настоящего блеска.

Несмотря на усталость механизма, в который всажен, чувствовал, что не смогу забраться в постель, вон даже руки трясутся. Торопливо размолот кофе, а на экране успели проде-

монстрировать кучу таблеток и наклеек, якобы снижающих вес «без всяких усилий». Конечно, бред, но лохи попадают-ся и будут попадаться, всем нам хочется без труда вытащить рыбку из пруда...

Не нам, поправился я, а всем им. Я не из этого племени. Я другой. Я – настоящий. А они – я еще даже не понял, все эти люди, машины; весь мир – созданы лишь для того, чтобы меня морочить?

Размолот, пока чайник закипал, всыпал в джезву. Налил кипятку, поставил на слабый огонь. Коричневая корка долго не желала шевелиться, наконец пошла вверх. Мои пальцы сами сняли, переставили на край стола, пусть настоится, все привычно, автоматически, тело проделывает это уже много лет, мозги участия не принимают...

Так, а когда принимают? По сути, все, что делаем, это готовые наборы алгоритмов. А когда вносишь изменение, то черт знает что получается. Так садишься в тот же вагон метро, и прет тебя по старому привычному маршруту, хотя именно сегодня тебе нужно... нет, не помыслить, а просто перейти на чуть иной алгоритмик.

В ванной долго и с омерзением скреб себя жесткой щеткой и ополаскивался горячей водой, а вышел не раньше чем запах горячего кофе растекся по всей комнате. Воздух успел пропитаться этим бодрящим ароматом. Ноздри жадно затрепетали, спина сама разогнулась, я вдохнул всей грудью. А в желудке даже нетерпеливо квакнуло, требуя не тянуть

из клопа резину, быстрее сделать глоток горячего, сладкого, крепкого!

Чтобы по всему телу сразу прошла волна жизни, чтобы сразу цвета стали ярче, звуки громче, ноздри уловили все ароматы мира, а мышцы задвигались!

По экрану побежали полосы, запикало, требуя выключить телевизор. Все еще трясущимися руками поставил видеокассету с фильмом «Камо грядеши». И пока торопливо хлебал горячий кофе, жадно и с мурашками по спине смотрел, как в Древнем Риме бились гладиаторы, как скармливали на арене диким зверям первых христиан, как жутко пытали и казнили всех, кто не понравился императору...

Остановил, поставил «Калигулу», посмотрел заново страшные эпизоды начала, выключил трясущимися руками. Стало мутно, в животе похолодело. Я чувствовал, как в меня насильно влили мех вина, а потом острый нож легионера «милосердно» распорол мне живот. Да и потом это меня жарили на медленном огне, меня разрывали дикими конями...

Выключил, руки тряслись, только коврики вытряхивать, зубы выбивали дробь. А если бы послали туда? В то время? Вряд ли смог бы там выжить, будь я легионером, вором или даже императором. Но я мог попасть и еще глубже, в даль веков. Например, к пещерным людоедам...

Разделся, плюхнулся в постель с новой мыслью: а может быть, во мне живет иное существо, через мои глаза смотрит

на здешний мир? Оно не может жить в здешней атмосфере, потому смотрит через меня?.. Да, ему там хорошо, наверное, хорошо, но каково мне?

Или же я просто житель этого мира, а Наблюдатель сейчас за тысячи световых лет, сидит в лаборатории и посматривает через мои глаза время от времени? А потом, когда я умру, мои знания войдут в его копилку?...

Я ощутил, что холодок безнадежности коснулся сердца. Это все равно буду не я. Я – это только мои чувства и мысли, а если ссыпать их в копилку, где таких сотни тысяч, то от меня ничего не останется.

Спасительное тепло, которое не позволяло сойти с ума, коснулось души, и я представил, как в этой копилке возьму верх над остальными, стану сверхсуществом, но останусь самим собой, а их знания и опыт будут лишь моим подспорьем, сырьем... А потом выберусь, заживу, покажу себя, смогу... И с этими мыслями поспешно заснул.

В сознание начали проникать звуки, затем я ощутил свет сквозь плотно сомкнутые веки из тонкой мягкой кожи. Свет был бледный и серый, но, едва я сделал движение шевельнуться, превратился в розовый. Я даже различил толстые, как канаты, сосуды, что пролегают внутри этих ставней-век.

Так, видимо, чувствует себя мой комп при включении. Сперва загружается примитивная операционка, проверяет простейшие, но самые главные функции, затем уже включа-

ется Windows, проверяет и подгружает в память все великое множество программ и программочек, которые могут понадобиться уже в начале работы, выстраивает их на экране крохотными иконками...

Еще не открывая глаз, напряг мышцы во всем теле. Слушаются плохо, еще не разогрелись, спят, но сигналы уже помчались по всем окончаниям, пробуждая, поднимая, включая...

В памяти чернота. Вчера я лег вот в эту постель, заснул через пять минут, крепкий кофе на ночь мне не помеха, сейчас утро, центральное светило этой планеты прожигает оранжевым светом тонкие шторы.

Где я был? Что со мной происходило? Я отсутствовал в этом мире несколько часов. Здесь лежало мое тело, а вернее – тело моего разумоносителя. А где был я? Это мой разумоноситель может не доискиваться, где он был и что с ним происходило, но я – это я!..

Такое с этим существом происходит каждую ночь, и всякий раз часы жизни теряются. Правда, иногда в мозгу остаются какие-то причудливые обрывки странных видений. Аборигены называют их снами, пробуют по ним даже предсказывать будущее...

Впрочем, будущее пытаются предсказывать по всему, на что падает глаз: по облакам, закату, падению листа, броскам костей, картам.

Может быть, я все-таки где-то был в это время?

Шлепая босыми ногами, побрел в ванную. Зубная щетка на месте, бритва, шампуни, кремы, лосьоны, мази.

В зеркале отражается все тот же Егор Королев. И все-таки я не этот молодой мужчина, хотя отражение повторяет каждую гримасу этого тела, каждое его движение. Я там, внутри. Я управляю этим Королевым почти полностью. Не могу, правда, замедлить удары сердца или остановить пищеварение. Но даже некоторые чисто рефлекторные действия поддаются моему контролю. К примеру, я могу задержать дыхание. Не скажу, надолго, но все же до тех пор, пока в глазах потемнеет, а в ушах раздастся звон...

Итак, я – в нем. В сравнительно благополучном человеке. Не богатом, но и не нищем, сравнительно здоровом, чтобы не отвлекаться на болячки. На стабильной нетрудной работе, которая не отнимает много сил и оставляет время для размышлений. К тому же там готовятся не то закрывать нас, не то во что-то преобразовывать, так что работы почти нет, всяк варится в собственном соку.

Под утренний кофе вспомнил гордых римлян, что смотрел вчера на ночь. Настолько непохоже на нашу жизнь, что сами римляне кажутся сказочным народом... А Рим – сказочным царством. Как Эллада, Македония, Персия, Ассирия, Древняя Русь... Но ведь жили там люди! Жили, любили, боролись за что-то, страдали... а потом умирали. А после их смерти прошли века, как пройдут и после нас, после

меня, и люди будущих времен с безразличным интересом посмотрят старые видеокристаллы: как же они жили там в XX веке? Без трерров, тинстов, увака, тисиона...

Зазвонил телефон. Я машинально снял трубку:

– Алло?

Из мембраны донесся уверенный сильный голос Вавилова:

– Привет, старик... Что-то мне твой голос не нравится. Ничего не стряслось?

Я пробормотал:

– Я сказал только «алло», и ты уже все определил?.. Тебе бы в психоаналитики. Привет, Николай. Как жизнь?

– Да так... – в голосе был сытый смешок здорового и уверенного в своих силах самца, – самое время встряхнуться. Не наш уже возраст, чтобы шляться по дискотекам, хотя я там встречал и молодящихся старух, но кое-что можем, верно?.. У меня тут пара новых адресов появилась. Милые женщины. Обеспеченные. Без материальных и жилищных проблем, так что опасаться нечего. Я уже заходил к ним, сказал о тебе, теперь ждут нас вдвоем. Там постель большая! Не только мы четверо, там взвод поместится.

Мне нравился его голос, в нем были сила и достоинство, Николай всегда дружелюбен, честен. Друзей не подводит, врагам спуска не дает, умеет держаться как на работе, где числится в лучших, так и на отдыхе, где тоже блистал, блистал...

Я представил себе эти потные мясные тела, что будут тесниться в одной постели, истекать похотью, эти охи, ахи, горячее частое дыхание, мощные выдохи, зеркало на потолке или во всю стену, чтобы усиливать эффект... Впрочем, когда рядом совокупляются живые партнеры, то и без того гормональная система работает с повышенной нагрузкой. К тому же всегда можно поменяться женщинами. Современные и уверенные в себе самки это любят, все с шуточками да смешками, но гормональная система пашет так, что хребет трещит, организм отдает все силы этому участку фронта, все для победы...

– Нет, – ответил я наконец, – что-то сейчас не то...

Вавилов хохотнул:

– Рыбного восхотелось?.. Не надо, старик. Эти штучки для извращенцов. А мы настоящие здоровые мужики! Нам надо настоящих здоровых баб. Самое большее, что можно себе позволить, это поменяться бабами, использовать их во все места, но искать чего-то нового не стоит.

Я сказал, защищаясь:

– Да нет, совсем не то.

– А что «то»?

– Да сейчас не ко времени, – ответил я. Вспомнил, как заходил к этой... как ее... забыл имя, что в Крылатском, передернул плечами от омерзения к себе, но внизу, в гениталиях, приятно потеплело. – Занят, понимаешь...

На другом конце провода хохотнуло:

– Ого!.. Что-то новенькое? Настолько особое, что даже с другом не поделишься?.. Стыдись!.. Люди даже хлебом делятся, а ты женщину жалеешь!

Я пробормотал:

– Да нет, это другое. Совсем другое.

– Совсем-совсем?

– Да.

Голос Николая стал серьезным:

– Ты случаем никакой гадости не подхватил? Если что, скажи. У меня есть знакомый врач. Напичкает антибиотиками, враз как рукой снимет.

– Даже не тепло, – заверил я, – даже не тепло.

Я чувствовал, как озабоченность зазвучала во всем голосе Николая:

– Слушай, а ничего посерьезнее?

– Ты о чем?

– Ну, ты знаешь... это приходит к нам в старости, но к некоторым и намного раньше.

– А, – понял я, невольно засмеялся с чувством облегчения. – Нет, здесь все в порядке. Даже по ночам их толстые задницы снятся. Нет, Коля, это другое...

– Смотри, ни во что не влипни.

Теперь насторожился уже я:

– Что ты имеешь в виду?

На том конце телефонного провода попыхтели, словно два Николая вырывали друг у друга трубку, наконец послышался

голос, и по сдержанному тембру я понял, что победил более осторожный:

– Поберегись. Живи просто.

– Как просто?

– Как можно проще, – посоветовал Вавилов. – Как амeba. Как простейшая водоросль. Или того проще, как американец.

Я ответил с разочарованием:

– Нет уж. Как амeba еще согласен, ей большего не дано, но как американец... Бр-р-р!.. Спасибо, Коля. Как-нибудь в другой раз, ладно?

Снова там двое боролись, вырывали трубку друг у друга, я с замиранием сердца ждал и всячески желал успеха более открытому, но все же победил сдержанный, и голос ушел по проводу обрезанным со всех четырех сторон:

– Ладно, до следующего раза. Выздоровливай!

Я поинтересовался:

– Полагаешь, это болезнь?

Снова в его голосе мне почудилась непривычная для всегда распахнутого Вавилова сдержанность. Или же я стал слишком подозрительным, но теперь казалось, что даже Николай хоть краешком касается той страшной тайны, которую обнаружил я.

– Увидимся, – ответил он.

В трубке щелкнуло, послышались частые гудки.

ГЛАВА 10

Небо затянуло серым. Не то грязные, как половая тряпка, облака, не то выдоенные до просветления тучи. Город изнемогает от жары, но все люди на улице бредут с различными тканями поверх потных тел. Голых нет совсем, что удивительно, хотя не совсем ясно... зачем эти странные покровы, именуемые одеждой? На их изготовление уходит уйма труда! Миллионы людей заняты только тем, что выращивают хлопок, выплавляют синтетику, обрабатывают, свозят то и другое на особые фабрики, где все это другими людьми превращается в то, что эти и другие существа надевают на себя. Конечно, зимой понятно, но в такую жару?

Перестань, напомнил я себе. Это может быть непонятно звездному наблюдателю... и, вероятнее всего, не только наблюдателю, но как житель этой планеты ты прекрасно знаешь, что одежда – обязательный атрибут вычленения этого существа из звериного ряда. Одежды нельзя лишаться даже в жару, слишком недавно человек вышел из зверей, слишком легко вернуться, а дистанцию надо держать, держать! Держать отчаянно, несмотря на всех Фрейдов, на свободную любовь, на свободу совокупляться с особями своего пола, со скотом, с рыбами, предметами, компьютерными персонажами...

Да, страшноватый мир, как здесь живут?.. Как с этим

смирятся? Какая странная философия, какое мировоззрение...

Хотя какая, к черту, философия? В прошлые века царила вера в загробную жизнь, а теперь кто-то пытается придумать себе Мировой Разум, Высшее Существо, словом, того же Бога, только его именуют Творцом уже всей галактики, а остальное большинство жителей этой планеты просто старается не думать о Великом Небытии... Изю всех сил забивает голову сиюминутными заботами, только бы не вспоминать о том, что ждет в старости, а затем и...

По спине пробежал холодок. Интересно, подстраховывают ли меня? А что, если меня сюда забросили и пошли дальше межзвездные коктейли глушить или еще что-то... Черт, совершенно не помню ничего из той жизни!.. И пока не вернутся с обеда, я подвержен всем болезням, всем микробам, всем опасностям.

За холодком в душу заполз страх. Огромным усилием я заставил себя успокоиться. Я в теле землянина, а он должен быть привит... вот на левом плече пятнышко, где прививали оспу. Явно же и от прочих опасных болезней есть иммунитет, а гриппом в прошлом году переболел...

Правда, я не застрахован, скорее всего, от наезда автомобиля.

Прозвенел звонок. Я поднял трубку:

– Алло?

На том конце провода раздался вздох, потом тяжелый пре-

рывающийся голос, в котором я не сразу узнал голос человека, который считается моим отцом. И который на самом деле отец вот этому телу, в которое я всажен так накрепко.

— Это я... Ты свободен сейчас?

— Да, в какой-то мере, — ответил я. — А что случилось?

— С Джоем совсем худо... Уже никакие таблетки не помогают... Я сам не сплю, лежу с ним рядом. У него слезы бегут, бегут... Он все понимает.

Я сказал с неловкостью:

— Отец, ты мучаешь не только себя, но и свою собаку. Пора принять решение. Ну, решишь наконец!

После паузы раздался снова вздох, а голос, в котором дрожали слезы, упал до шепота:

— Уже... Потому и звоню. Приезжай, я сам не смогу.

Я поколебался. Пес у отца едва не такой же старый, как он сам. Дряхлый и облезлый, со слезящимися глазами, но сейчас дело не в собаке, страдает этот человек.

— Через полчаса буду у тебя.

Дверь отцовской квартиры такая же старая, обшарпанная, особенно если пройти, как я прошел, мимо сверкающих дверей соседей: бронированных, отделанных дорогой имитацией под дерево.

Отец открыл дверь раньше чем я дотронулся до кнопки звонка. С желтым изможденным лицом, осунувшийся, словно всю ночь стоял под проливным дождем, глаза воспален-

ные, а под ними темные мешки, похожие на изношенные сети для ловли рыбы.

— Что ты с собой делаешь, — сказал я с сердцем.

— Джой...

— Пойдем, — оборвал я.

Отец закрыл за мной дверь, что-то говорил, оправдываясь, я прошел на кухню. Середину занимал старый вытертый коврик, а на нем на боку лежал, вытянув лапы, Джой. Он показался дряхлым настолько, что я принял бы его за скомканный мешок из старой дерюги, потерявший цвет и форму.

Завидев меня, старый пес слабо шевельнул хвостом. На морде, по-старчески особенно выразительной, появилось что-то вроде слабой виноватой улыбки. Глаза были выцветшие от старости, блеклые, полуслепые. Он и узнал меня скорее всего по запаху, хотя вряд ли его нос чувствовал хоть вполовину так, как раньше.

Я присел на корточки, осторожно погладил по лобастой голове. Он лизнул пальцы, для этого ему пришлось шевельнуть головой, я слышал, как заскрипели шейные позвонки. Он не дернулся, но в собачьих глазах от боли выступили слезы, побежали по морде.

Кто-то сказал однажды, что нет ничего более трогательного, чем больное животное: оно переносит страдания с такой тихой и грустной покорностью, но больное животное еще можно вылечить, но не Джоя...

В груди у меня стиснулось, я почувствовал, что внезапно

защищало и в моих глазах. Бережно погладил, прижимая ему голову, не давая шевелиться, он все порывался лизать мне ладонь. В его торопливых движениях были стыд и просьба извинить, что не вскочил от счастья, что так ослабел. Я сказал с ласковой мужской грубоватостью:

– Лежи-лежи! Мы любим тебя и таким, лежачим.

Сзади тяжело зашаркало. Я спросил, не поворачивая головы:

– Машину не вызывал?

– Нет... – донесся из-за спины такой старый и виноватый голос отца, словно говорил сам Джой. – Я думал... Ты приедешь...

Я кивнул, обнял его за плечи, такие исхудавшие, костлявые.

– Я займусь. Ты побудь с ним.

Уходя в другую комнату, к телефону, видел, как отец опустился на колени возле пса, взял его лапу в ладони и застыл так, скорбный, плечи вздрагивали, а голова опустилась на грудь.

Я поспешно отвернулся, не хотелось видеть отца плачущим, сел и поставил телефон на колени. Пришлось сперва позвонить в справочную, там дали телефон ветеринарной службы, лишь тогда я, переговорив, позвонил в службу такси.

Отец сидел на полу, я подумал, что ему будет так же тяжело подниматься, старческие кости гнутся трудно, не только

собачьи, суставы высохли. Джой лежал неподвижно, на морде было спокойствие, но слезы еще текли.

Я присел, погладил по дряблой облезлой голове. В груди была странная печаль, хотя на коврике лежала всего лишь умирающая собака. Пальцы чувствовали теплую плоть, уже одряхлевшую, но еще живую, что способна воспринимать тепло, холод, и хоть в страдании, но ощущать жизнь.

– Пора, – сказал я со вздохом. – Им ехать минут сорок. Пока выберемся, минут пять-десять, а там лучше посидим на солнышке. Пусть в последний раз погреемся.

– Пусть, – торопливо согласился отец.

Он принес коробочку с таблетками. Я завернул сразу три в мясной фарш, раскрыл Джою беззубую пасть, затолкал в самую глотку. Видно было, как после долгого усилия по горлу прошел комок.

– Это на три часа, – сказал отец тихо. – Потом начнет отходить, боль вернется еще злее...

– У него не будет этих трех часов, – успокоил я, отец, однако, съежился, словно я его ударил, потащился, тяжело шаркая, к входной двери. Я крикнул вдогонку: – Я возьму этот коврик, хорошо?

– Обязательно, – донесся его прерывающийся слезами голос, – обязательно...

Я выждал, пока таблетки приглушат боль, осторожно подвел руки под коврик. Пальцы ощутили теплую тяжесть старого тела.

– Потерпи, – сказал я Джоя одними губами. – Скоро эта боль оставит тебя. Мы тебя очень любим...

Он казался совсем легким, я еще помнил эту горячую тяжесть, налитую силой, когда я хватал Джоя на руки, а он настолько отчаянно вырывался, что я поспешно опускал его на пол. Теперь лежит в моих руках покорно, только смотрит так виновато, что сердце щемит все сильнее и сильнее. Даже пошевелил лапой, объясняя, что он еще может идти сам, что не надо с ним так утруждаться...

Отец ждал возле двери. Распахнул, я понес по коридору к лифту, а он торопливо гремел ключами, не мог попасть в замочную скважину, все спешил обогнать и вызвать лифт.

Я сумел выставить палец, ткнул в черную кнопку. Заурчало, загремели цепи, скрытые механизмы вздохнули и начали неспешно двигаться, скрипеть, шебаршиться, просыпаясь и потягиваясь, и только после долгой паузы скрип и скрежеты неспешно начали приближаться. В щелочке далеко внизу блеснул свет, начал нарастать, словно там из глубокого колодца поднималось странное электрическое солнце. Приблизился. Его заслонило нечто темное, и двери распахнулись.

Отец пропустил меня вперед, на ощупь нажал нужную кнопку, не отрывая любящих глаз от пса. Двери захлопнулись, мы проехали пару этажей, затем лифт приостановился, двери пошли в стороны. На площадке стоял мужик с толстым веселым пуделем на поводке. Пудель радостно бросился в лифт, мужик тоже шагнул, но, увидев пса на моих руках,

переменился в лице:

– Это... уже?

Я кивнул. Судорога сжала мне горло, а отец тоже не ответил, только опустил голову. Сосед попятился, рванул своего веселого и лохматого так, что едва не оторвал голову.

– Вы поезжайте, поезжайте!.. Мы поедem другим.

Двери захлопнулись, лифт устремился вниз. Все собачники дома, да и окрестных домов, знают друг друга, знают, у кого собака еще щенок, а у кого уже престарелая, к таким не подпускают своих резвых, чтобы не толкнули, не повалили. Все оберегают своих собак больше, чем себя, и к собакам соседей относятся тоже лучше, чем к самим соседям.

Двор был залит солнцем, воздух свеж, несмотря на жару. Возле крыльца прогревалась под солнечными лучами широкая деревянная скамья. Обычно на ней старухи сидят впятером-вшестером, перемывают кости проходящим, сейчас пусто, я осторожно сел, опустил Джоя себе на колени. Отец присел рядом, все время то гладил старого пса по голове, то трогал лапы, не находил места.

Перед домом с полдюжины машин, несмотря на табличку «Стоянка запрещена»; в одной ковырялся парень, знаю его только по спаниелю, с которым выходит каждое утро. Все собачников знают только по их собакам, а без собак пройдешь мимо, не узнав. Этого узнал лишь потому, что встречался не меньше полусотни раз.

Он подошел, вытирая масляные руки ветошью. Глаза невеселые:

– Все?.. Увозите?

Отец кивнул, говорить не мог. Губы дергались, а ответил почти шепотом, словно не хотел, чтобы Джой понял:

– Он очень страдает.

– Понимаю, – ответил спаниельщик. Он потоптался на месте, развел руками с несчастным видом, несчастный тем, что не может ничем помочь, продлить жизнь нашей собаке. – Мой тоже уже дряхлеет... Играть давно перестал.

– Вашему еще не скоро, – утешил я.

– Говорят, спаниели живут недолго...

Он еще раз развел руками, поклонился, пожал плечами и с той же виноватой улыбкой поспешил по ступенькам в дом, так и не опустив капот машины. Похоже, он просто не мог вынести такого зрелища. Скрылся, да и не хотел, чтобы мы видели, что он видит.

Прошли с работы еще соседи, все кивали издали, только один подошел, сказал сочувствующим голосом:

– Вы хорошо делаете, что не даете ему умирать в муках.

– Это можно понять и по-другому, – пробормотал я.

– Нет, то по дурости и злобе людской...

Отец зашевелился:

– Вон такси въезжает во двор!.. Сюда!.. К этому подъезду!

Он вскочил, замахал, поспешил навстречу, а я бережно поднял драгоценную ношу на руки. Джой вздохнул, в крот-

ких собачьих глазах были понимание и глубокая печаль.

Таксист, угрюмый и раздраженный, нахмурился, когда я с бессильно обвисшим псом неловко вдвинулся на заднее сиденье. Отец сел рядом, назвал адрес. Таксист буркнул:

– Что, лапку прищемили?

– Если бы, – ответил отец кротко.

Машина пошла задом, затем круто развернулась, выкатилась на улицу, пошла набирать скорость. Я заметил в зеркало, с каким недоброжелательством таксист поглядывал на бедного Джоя.

Мы все молчали, таксист наконец не выдержал:

– Не понимаю, как можно так возиться с собаками... Что с ним?

Отец промолчал, в зеркало было видно его жалкое лицо, а я ответил:

– Он умирает.

Таксист хмыкнул, но смолчал. Машина выкатилась на магистраль, мы помчались в левом краю, обгоняя других. Слева неслись навстречу в четыре ряда мощные железные чудовища, обдавали нас вихрями отработанного бензина.

Дважды проскочили на желтый, но сошло, вскоре выехали на нужную улицу. Отец указал на подъезд больницы, машина послушно подкатила к самому крыльцу. Отец полез за деньгами, таксист спросил внезапно:

– Он что... так и не выживет?

– Нет, – ответил я резко, – от старости лекарства пока нет.

– Ага... – сказал он, – да ладно... ладно... Я тут содрал с одного араба, так что оставь деньги, тебе ж еще там платить. На халяву не помогут даже с таким. Да ладно, ладно!

Отец так и вылез с зажатými в кулаке деньгами. Таксист нахлобучил на лоб фуражку, двинул ногой, машина с такой скоростью метнулась задним ходом, что чудом не врезалась в забор, но затем ловко развернулась, вильнула задом и унеслась.

Я тяжело поднимался на крыльцо. Джой сделал попытку повернуться в моих объятиях, даже при болеутоляющем больно, отец сразу оказался рядом, что-то шептал, держал за лапу, и так они поднимались в холл, а затем на второй этаж, не размыкаясь и не отрывая друг от друга любящих глаз.

К моему удивлению, врач сказал участливо:

– Да что вы, какие формальности? Кладите его сюда.

Я бережно опустил нашего старого друга вместе с его старым ковриком на широкую больничную кушетку. Отец опустился на колени, взял Джоя за исхудавшую лапу, сам такой же исхудавший. Изможденный. Джой сделал усилие, дотянулся до его руки, лизнул. В крупных собачьих глазах, постарчески мудрых, были печаль и глубокое понимание.

Врач перебирал шприцы, я услышал тот особый хруст, с каким отламывают кончик ампулы, затем его белая фигура неслышно появилась рядом.

– Все собаки идут на небеса, – сказал он убеждающе. – За их любовь и преданность... Вы не должны так страдать. Вы

нашли в себе мужество быть с ним до его последней минуты...

Отец хватал ртом воздух, лицо его стало мертвенно-желтым. Я одной рукой трогал Джоя, другой обнял отца. Он не мог выговорить, ему было трудно даже дышать. Я и сам выдавил сквозь перехваченное горло с великим трудом:

– Да-да... Начинайте...

Глаза старого пса следили за нами с любовью и преданностью. Он все понимал, и я видел, что он жалеет только, что оставляет нас без своей защиты, без заботы, что больше никогда-никогда не увидит нас, не лизнет руки любимого хозяина, не будет с ним выбегать на зеленую лужайку...

– Не... мо-гу, – вдруг вырвалось у отца со всхлипом. Он перехватил руку врача со шприцем. – Не надо... Я не могу... Он понимает, что мы его убиваем!

Он зарыдал, его худое тело тряслось, вздрагивало.

Врач возразил тихо:

– Он понимает, что вы облегчаете его муки... Он благодарит вас, что в его последние минуты жизни вы с ним.

– Не могу...

– Посмотрите ему в глаза!

– Не могу, не могу.

Отца трясло. Я силой затолкал ему в рот две таблетки. Он судорожно проглотил, вряд ли поняв, что делает. Я обнимал его одной рукой и, оставив Джоя, гладил теперь отца своего разумоносителя, прижимал к своему телу, сам чувствуя бес-

помощность и чудовищную несправедливость происходящего. Не должны умирать ни люди, ни собаки, никакие другие существа!

Врач посмотрел на меня, как на более мужественного, но теперь мое мужество было едва ли крепче отцовского. Все же я кивнул, он присел рядом с Джоем. Игла зловеще блестела капелькой влаги, врач не забыл профессионально выдавить все частички воздуха, одной рукой осторожно взялся за кожу на лапе Джоя, сказал тихо:

– Потерпи... Это совсем не больно.

Острое вошло в кожу бесшумно, как в мягкую глину. Джой слегка двинул ухом, отец протянул дрожащую руку, и старый пес начал лизать ее, выказывая благодарность, что мы с ним, что трогаем его, гладим, любим, что мы с ним, все еще с ним.

Постепенно движения его становились медленнее, язык двигался с трудом. Отец плакал навзрыд, громко и по-мужски неумело. Его трясло, но теперь внутренний холод сжал и мое сердце. Стало трудно дышать, я чувствовал, как похолодело лицо.

Врач странно посмотрел в мою сторону. Я услышал щелчок откупоренного флакона. Мелькнула его рука с клочком ваты, отвратительный резкий запах ударил мне в мозг, взорвал череп. Все тело тряхнуло судорогой, я чувствовал себя так, словно сквозь меня пропустили ток напряжением в сто тысяч вольт.

Джой лежал все так же на боку. Глаза его с любовью и преданностью смотрели на нас. Он уже не дышал, сердце его остановилось или останавливалось, но в угасающем взоре я видел его страдание от разлуки с нами.

Мы вышли на крыльцо странно осиротевшие. Умерла всего лишь старая собака. Но я чувствовал, что из меня вынули душу, а я только пустая оболочка. Отец выглядел еще хуже, это его пес, это ему он мыл лапы после каждой прогулки, ему любящий пес приносил тапочки и преданно смотрел в глаза, упрасывая велеть ему что-нибудь, послать куда-нибудь, а он тут же сделает, выполнит, потому что очень-очень любит...

Не знаю почему, но, томимый неясным побуждением, дома я сразу же бросился к книжным полкам. Из того, что искал, наткнулся только на затрепанный учебник по астрономии. Помнится, уже листал в первый же день... Да, первый день Осознания. Слишком упрощенный курс...

Холодок страха пополз по спине. Что-то в этом странное! Память подсказывает, в школе отвечал по этой дисциплине. Но почему ничего не помню? Да-да, мое тело отвечало достаточно уверенно. А потом, потом понятно... Большую часть знаний мы взгромождаем как цирковые эквилибристы, чтобы кое-как донести до экзаменатора, а потом все с грохотом рушится, рассыпается в пыль, еще не долетев до пола.

Знания, которые не употребляются, организм старается не запоминать. Это аксиома. Но, может быть, есть другая

причина?

Я не дал исчезнуть холоду страха, наоборот – углубил, представив черноту космоса, бесконечность, далекие искорки звезд, безжизненность. Не потому ли организм не замирает, даже спешит забыть, что эти знания не только бесполезны, но и опасны? Я же чувствую, как во мне сопротивляется нечто сильное, как в мозгу и в душе оно всеми лапами, коготками старается отпихнуться от ужасающего космоса, бездны, будто стою не на дне этой бездны, а на краю.

Итак, давай-ка припомним: в начале начал был Первоатом. Не существовало ни времени, ни пространства. Так? Так. Потом атом взорвался. Во все стороны понеслись осколки, что в полете превращались в скопления пыли, а из той образовывались галактики. Я сейчас возник в одной из таких галактик на самом краешке вокруг самой средней звезды. Этих звезд великое множество, как намного крупнее этого Солнца, так и мельче, ярче и тусклее. Планеты же состоят из той же пыли, что и звезды. Они не могли возгореться сами по себе из-за своих малых размеров. Правда, в недрах этих планет жар стоит почти как на поверхности звезды.

Время шло, структура Вселенной усложнялась. Галактики старели, некоторые звезды гасли, иные взрывались, становились, их уносило космическими течениями.

На одной из планет, что кружились с бешеной скоростью вокруг Солнца, по мере усложнения, образовались некие соединения. Они получили возможность воспроизводить друг

друга. Одни названы кристаллами, они развиваются медленнее, чем те, что получили название биологических. Биологическое усложнение материи привело к тому, что очень быстро через цепь превращений в более сложные структуры возникло то, что называется человеком. То, в чье тело меня всадили, словно в кабину вездехода.

«Стоп-стоп, – сказал я вслух, пытаясь уловить мысль, закрепить ее в словах, – почему сразу «всадили»? А если я сам откуда-то сбежал, побегал по Галактике, нашел временное убежище в этом теле?» Нет, это бред похуже того сериала, что Лена смотрит с восторгом. Там бессмертный дебил идет из века в век, ничему не научившись, кроме как махать мечом, да и то словно домохозяйка после двух уроков в платной школе. Если я представитель более высокого стаза, за мной уж точно не гоняется ни полиция, ни такой вот идиот с самурайским мечом. Но что тогда со мной? Почему я здесь?

Стараясь не потерять ниточку, я начал вчувствоваться, проникать мыслью глубже, дальше, и холодок сперва вздыбил волосы на руках, кожа пошла пупырышками, затем ледяными искрами пробрался вовнутрь, вонзился в сердце так остро, что в глазах потемнело, а в черноте заблестали ледяные звезды.

А что, если...

Нет, эта мысль слишком ужасна, чтобы попытаться даже додумать до конца! Чудовищна, отвратительна. Но все же попытаюсь, ибо надо не упустить ни малейшей зацепки. Итак,

предположим, только предположим, что развитие вида не остановилось. Что развивается не только социальное устройство общества, но и в самом человеке появляются новые извилины, новые нервные окончания. Не так уж нелепо? По крайней мере не противоречит биологии, если даже и противоречит дарвинизму. Впрочем, дарвинизму не противоречит тоже.

Пойдем дальше. В результате этих новых извилин в том существе, которое зовется человеком, появилось нечто новое. Нет, не разум, ибо разум лишь высшее проявление инстинкта, он и служит глубинным инстинктам, умело удовлетворяя их, давая им то, чего не могут получить благодаря простым: хватай, гребь, ешь. Нет, появилось некое осознание, продуктом которого и являюсь я. Я, существо, которое сидит в этом разумоносителе.

Я в нем живу. Даже командую. Что захочу, то и сделает. Никакой не человек из будущего. Никакой не инопланетянин.

Просто человек, внезапно осознавший.

Что?

Часть II

ГЛАВА 1

Я передвигался длинными замедленными прыжками. Широкую расщелину перелетел плавно, растопыренными руками оперся о плотный воздух, что помогло опуститься на той стороне плавно, красиво.

А затем шаги стали обычными, я пошел в привычном мире ночной улицы, слабо освещенных домов, серого, выщербленного осколками времени асфальта. Улица медленно поднималась кверху, а вон за теми домами – это уже окраина, просматривался круг трамвайного пути, где водители отмечают путевые листы и успевают забить «козла».

Стена дома плавно поплыла назад и пропала. За углом открылась блестящая в свете фонарей металлическая петля трамвайных рельсов в два ряда, маленькая будочка диспетчерской. Дальше ряд деревьев, снизу подсвеченных оранжевым пламенем фонарей, верхушки в мертвенном серебре луны. Все знакомо, все привычно. Трамвая пока нет, ночью ходят с интервалами в полчаса, а то и больше. Автобуса здесь нет в принципе. Я здесь хожу часто, знаю все закоулки, проходные дворы, знаю, где лавка с обломанной спинкой, знаю все деревья, стены домов.

Потом на мир начала наплывать другая картина, я услышал странные звуки, словно рвущиеся из мирового пространства, далекий гул, начал ощущать давление в бок и, наконец, понял, что возвращаюсь в другой мир, который еще тревожнее и нелепее этого.

Полежал с закрытыми глазами. Сердце стучало так, словно только что пробежал вверх по лестнице на свой этаж. Где я мог видеть этот часто повторяющийся сон? Я не был там, это точно. У меня хорошая память, я помню чуть ли не каждый день своего детства, а здесь я шел по местам, которые знаю хорошо...

Но я никогда там не был! Что с моей памятью? Или я как-то перехватил кусочек чужого сна? Или во мне всплыли сны моего отца, трамваи были только в его молодости, он мог там ходить... Генная память, то да се, об этом охотно порассуждали бы длинноволосые хиппари с психоневрологического факультета, но у меня свои проблемы, в рубашку с длинными рукавами пока что не тянет.

Разумоносите́ль глубоко вздохнул, его мышцы напряглись, звериное тело метнулось с постели. Одеяло полетело в сторону, а я поехал в этом слаженном организме в туалет, потом в ванную комнату. Тугая струя вырвалась с готовностью, а глаза мои, да, мои, не отрывались от зеркала на стене.

Здоровье моего разумоносите́ля не хилое, развит терпимо, кожа чистая, пара прыщей, никаких болезненных пятен. Едва заметные жировые валики на боках, здесь их зо-

вут французскими ручками, следствие сидячей работы, но не толст, так что пока нет проблем ни со здоровьем, ни со скоротечной жизнью обитателей этой планеты.

Лицо опалило жаром, кожу защипало, словно кололи множеством мелких иголочек. Это кровь из внутренних органов прихлынула на периферию, к щекам, потому и ощущение жара. Вообще-то тридцать шесть и шесть – это температура внутренностей, на поверхности гораздо ниже. Здесь равна температуре воздуха, а это где-то около двадцати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.